

A black and white photograph of a woman with dark hair, wearing a white long-sleeved shirt and a dark skirt, sitting on a large, dark, rounded rock. She is holding a small, dark-colored animal, possibly a cat or a small dog, in her lap. The background shows a building with white columns and a dark sky. The overall mood is serene and elegant.

Гера Сребро

ТИХОНЯ
ВЫШЛА
НА
ОХОТУ

Глава 1. Сборы на охоту

Глава 1. Сборы на охоту

В давящей тишине старого дома бодрый стук клавиш клавиатуры звучал как барабанная дробь. Девушка в застиранной майке некогда белого цвета склонилась над экраном ноутбука и что-то сосредоточенно строчила. Иногда она раздосадованно морщилась и сдвигала с лица надоедливую прядь темно-русых волос, выбившуюся из небрежно собранного хвоста на макушке. Красная птица Энгри Бердс, изображенная на ее трусах, растянутым на ягодице глазом выглядывала из-под майки и видела то, что скрывалось от взора хозяйки — как окно напротив само покачнулось и бесшумно захлопнулось. Возможно, от сквозняка.

Но никакого ветра за окном сегодня не было.

— Так, так, а вот кто-то новенький! — довольным голосом воскликнула девушка, открывая страницу с новичками на местном сайте знакомств. — Вроде, не урод. Солнце, ты как думаешь?

— У-и, у-и, у-и! — как полицейская сирена, пропищала абсолютно черная морская свинка, свободно бегущая по столу.

Вообще-то, не свинка, а свин. И да, его звали Солнцем. Он любил есть, спать, пищать и бегать. И хозяйку тоже любил, особенно когда она трепала его по спинке и давала вкусняшки. Они жили почти вдвоем. Почти — потому что свин чувствовал присутствие кого-то еще, но, ввиду недоразвитости свинячьих мозгов, не обращал на это внимания.

Девушка просмотрела все три фотографии, выложенные новичком — невысокий, молодой парень брюнет, спортивная фигура, ухоженность выше среднего; довольно цокнула языком, облизала губы и вынесла вердикт:

— Куй железо, пока горячо!

«Привет! Познакомимся?» — написала она первой и отправила сообщение.

Ответ пришел почти сразу:

«Привет, принцесса! Что такая красивая девушка делает на сайте знакомств?» — и много смайликов в конце.

— Придурок! У меня ни одного фото не выставлено! — выругалась она и ответила:

«Спасибо! Как тебя зовут?»

«Игорь! А тебя?»

«Елена.» — написала первое пришедшее на ум имя. Свое настоящее — Ангелина — девушка предпочитала скрывать.

«Ты пошлая? Пошалим?» — и чередой смайлов.

— Что ли их на одном конвейере штампуют? — пробормотала Лина и осторожно подошла к сути:

«Давай! Только ответь честно на пару вопросов, хорошо?» — и, сморщившись, поставила в конце несколько скобочек-улыбок.

«Валяй!»

«Во-первых — у тебя зубы не гнилые?»

«Зубы?»

«И пришли фото себя без футболки. Вид спереди и со спины. Грудь бреешь?»

Реакции собеседника пришлось ждать минуты две.

«Шлюха!!»

Лина хотела было ответить, но не смогла — пользователь занес ее в черный список.

— Ну вот, опять! Да что же это такое! — разочарованно вздохнула она и открыла папку со входящими сообщениями:

«Привет! Хочешь куни?» — спрашивал неизвестный тип без фотографии.

Другой умник зачем-то прислал изображение своего члена. Девушка уже задумывалась о том, чтобы создать отдельную папочку, назвать ее «Найди пять отличий» и собрать коллекцию фотографий детородных органов неизвестных горе-самцов, пассивных эксбиционистов.

Несколько банальных «привет» от старперов.

«Сасат будишь» — от горячего кавказского парня.

— Ничего нового, — Лина захлопнула ноутбук, забросила его в ящик стола и рывком поднялась со стула. — Но без порции ласки я сегодня не останусь! Еще не хватало, чтобы выходной даром прошел! Да же, Солнце?

— У-и! У-и! — пропищал морской свин; одновременно с его режущими слух воплями занавеска на окне пошла волнами, как от сильного ветра.

Девушка постояла, подумала, бросила взгляд на массивные настенные часы — узорчатые стрелки показывали без пятнадцати девять. Если поторопиться, то можно успеть на последнюю маршрутку. На ходу стягивая майку, она подбежала к большому платяному шкафу, распахнула его и вывалила на пол кучу одежды, выдернула из середины лифчик пуш ап и наспех надела его. Родная грудь Лины была маленькая, а потенциальные тела лучше клевали на грудь большую; поролоновые вкладыши лифчика визуально увеличивали ее формы почти в два раза, что значительно облегчало задачу. После она, тихо ругаясь, разворошила однообразные джинсы, толстовки и футболки, нашла мягкое черное платье и натянула на себя. На глажку времени не оставалось катастрофически.

За ее спиной, тихо шурша, задвинулся ящик стола с ноутбуком. Лина ничего не замечала. Она стянула резинку с головы и распустила волосы, разобрала их пальцами и откинула на спину; схватила ярко-алую помаду с верхней полки и густо обвела губы, едва удерживаясь от соблазна слизать жирную пленку — она не любила мерзкое ощущение присутствия чего-то инородного на губах.

Но перед охотой внешний вид живца, то есть самой себя, следовало привести в надлежащий вид. Приходилось терпеть. И помаду, и сковывающее движения узкое платье, и распущенные волосы, то и дело прилипающие к жирным губам, и многие другие неудобства. Одно радовало — все это ненадолго. Главное, заманить жертву в логово, а после можно и расслабиться.

Нервно поглядывая на часы, девушка пальцем нанесла темно-серые тени на верхнее веко, прошлась по ресницам тушью, схватила кожаный ярко-зеленый рюкзачок и побежала в прихожую.

Стрелки показывали без десяти девять.

Лина забросила туфли в рюкзак, надела кеды, крикнула в пустоту:

— Солнце, следи за Солнцем! — и в спешке покинула дом.

Когда девушка выбегала за калитку, в опустевшем доме раздался щелчок. Повернувшись ручка входной двери, запирая ее замком. «У-и! У-и!» — обиженно запищал свин, прежде чем забраться в меховую шапку, служащей ему гнездышком, и уснуть в ней.

Глава 2. Ловим на живца

Глава 2. Ловим на живца

Лина жила в небольшом поселке в пяти километрах от города Томска. Еще в детстве, приезжая в гости к бабушке, она влюбилась в это место. Ей нравилось здесь все — длинностовольные многовековые сосны, растущие прямо на участке; тонкий хвойный аромат; удивительной красоты лес, вплотную примыкающий к домам. Казалось, что поселок построили посреди нетронутой природы, и только вдоль асфальтированных улиц часть деревьев пришлось вырубить. Невозможно красиво. Один минус — маршрутки ходили редко, а машины у Лины не было.

Почти бегом кратчайшей дорогой через лес девушка добралась до трассы, где на остановке уже стояла маршрутка под номером восемьдесят один — ускорила, выбросила недокуренную сигарету на обочину, замахала руками, подавая водителю сигнал подождать, взлетела по ступеням и, запыхавшись, села на свободное место.

«Успела!» — выдохнула она с облегчением, располагая рюкзак на коленях. Со скрипом закрылись двери, и автобус поехал дальше.

Лина осмотрела других пассажиров, надеясь, что никого из знакомых не увидит. Но, увы, в небольшом поселке шанс не наткнуться на знакомые лица стремился к нулю, и аккуратно напротив девушки сидели две молодые пенсионерки, соседки через три дома — сидели и презрительно поджимали губы.

— Опять эта шалава куда-то поехала, — громким шепотом, чтобы слышно было всем, оповестила одна женщина другую. Та согласно закивала в ответ, и не менее громким шепотом добавила:

— Вся в бабуку!

Лина нахмурилась и достала из рюкзака телефон с гарнитурой, вставила в уши наушники и включила музыку.

«Я не забуду о тебе

Никогда,

Никогда,

Никогда!» — запели они, и подпорченное настроение медленно поползло вверх.

Сплетни почти не трогали девушку. Пусть говорят, что хотят — главное, чтобы не переходили от слов к действиям. Кто и что там о ней думает, ее не особо волновало.

Маршрутка проехала по мосту над рекой Томь, обогнула Лагерный сад и въехала в город. Лина лихорадочно соображала — в спешке она не подумала о том, куда именно поедет. Практика показывала, что проще всего подцепить тело где-нибудь в клубе. Но обычно объекты там находились в изрядном подпитии или под веществами похуже, а девушка предпочитала трезвые тела, с не нарушенной координацией движений. В конце концов, дома протекала крыша, и плохо управляемый объект запросто мог потерять равновесие и свалиться со стремянки, а ей отдуваться потом и доказывать, что она здесь ни при чем.

С некоторых пор Лина научилась смотреть на парней, как на людей. Их имена забывались сразу же, их увлечения, мысли, переживания и биография, место работы или учебы и прочие подробности не интересовали ее от слова совсем. Главное, чтобы тело парня соответствовало незаурядным предпочтениям девушки. Молодое. Невысокого роста. С

темными волосами. Спортивное, с ярко выраженной мускулатурой — особенно на руках. Но ладони не должны быть шершавыми, бррр! Грудь без волос, подмышки — тоже. Ногти чистые и ухоженные, зубы не гнилые.

Вот гнилые зубы раздражали превыше всего.

Ну и по мелочам — пирсинг она любила. Татуировки. Родинки — особенно на лице. Кареглазых предпочитала больше, чем голубоглазых. Носы прямые. Ну и, разумеется, чтобы от выбранной жертвы не несло потом и чтобы волосы задорно не торчали из ноздрей.

Вроде бы, простейшие требования. Элементарные. Но, увы, на практике найти подходящего кандидата было не так-то просто. Дряблые животы, обвисшие задницы, волосатые подмышки — иной раз приходилось выбирать из того, что есть, а не из того, что хочется. К тому же, Лина не хотела наживать себе неприятности, поэтому выходила на охоту не чаще, чем раз в две-три недели, чтобы особо не светиться — когда становилось совсем уж невмоготу. И обычно вылавливала наивных пареньков всеи, но иногда, как например сегодня, все заранее выбранные кандидаты неожиданно сливались, и приходилось действовать в реале.

«И мне повезет!» — уверила себя девушка, выходя из маршрутки на третьей городской больнице. Через дорогу находился замечательный байк-клуб, где по выходным собирались студенты из общежитий, расположенных чуть дальше. Молодой студент — именно то, что нужно!

Девушка бодро перешла улицу, обогнула налоговую и спустилась по узкому, темному переулку. В потемках она разглядела местную гопоту, собравшуюся на стоянке, и на всякий случай запустила руку в боковой карман рюкзака. Как порядочная девушка, она всегда носила с собой нож, которым ни разу не пользовалась, и надеялась, что и не воспользуется никогда. Но его присутствие здорово успокаивало. Она ускорила шаг и быстро прошла мимо компании, что-то выкрикивающей ей в спину — к счастью, в наушниках было не разобрать, что именно они кричат — и только когда гопники остались позади, вытащила руку из кармана и расслабилась.

У нужного здания гаражные ворота оказались гостеприимно распахнутыми, и Лина проскользнула вовнутрь, очутившись в помещении, напоминающим склад. Скрутила гарнитуру и спрятала в рюкзаке, осмотрелась. Со второго этажа доносилось завывание Кипелова и громкий пьяный смех; из приоткрытых дверей туалетов валил табачный дым.

Лина вошла в женскую кабинку, переобулась, посмотрела на себя в зеркало, поправила волосы. Природа наградила ее хорошими внешними данными — тонкая талия и круто выпирающие ягодицы, которые в коротком платье смотрелись особенно выигрышно, стройные ноги, по-детски наивное личико. Рост ниже среднего, густые волосы. Этакая "девочка-девочка". Парни легко велись на облик Лины, что раньше, до переезда, злило и расстраивало девушку.

Но сейчас все изменилось.

Девушка обвела губы помадой на еще один слой, придала лицу загадочное выражение и, плавно покачивая бедрами, выдвинулась на второй этаж, медленно поднимаясь по крутой лестнице и придерживаясь за стену. Быстро передвигаться на неустойчивых каблуках она не умела.

В полутемном баре людей оказалось, увы, не очень много. Пустовала половина столиков. Девушка совершенно забыла о том, что на лето студенты разъезжаются по домам, и молодежи сегодня почти не наблюдалось. Но из тех двух компаний, что подходили ей по

возрасту (Лина предпочитала мальчиков моложе себя года на два-три), девушке приглянулись сразу три кандидата. Что радовало неимоверно — обычно за вечер ей приходилось посещать минимум два места, чтобы найти хоть кого-нибудь не очень тошнотворного, а тут такой выбор!..

Воодушевленная, она села на высокий стул у барной стойки, приняла наиболее соблазнительную позу в пол оборота, так, чтобы грудь выпятилась вперед, выпрямила спину, свела колени вместе и нацепила на лицо скучающее выражение.

— Тима, мне сок. Апельсиновый! — крикнула она бармену.

На охоте Лина никогда не пила спиртное, потому что даже после одной рюмочки коньяка не могла испытать оргазм. А благотворительностью девушка не занималась, и справедливо считала, что секс должен приносить максимальное удовольствие. Ей, конечно же.

В ожидании заказа девушка поэтапно изучила всех трех кандидатов. Один, увы, пришел с парой. Другой при ближайшем рассмотрении вызвал легкое чувство брезгливости — щетина, сальные волосы, да и выпил он уже столько, что и сидел-то с трудом. Оставался последний. С виду вполне ничего. Родимое пятно на щеке, довольно опрятный и спортивный, в светлой одежде, которая контрастно выделяла его на фоне покрашенных черной краской стен — все так, как она любила. Но, когда он привстал, чтобы дотянуться до сухариков, Лина разочарованно вздохнула. Слишком низкий. Не то, чтобы она не любила низкорослых, просто на старом шифере пошла трещина, которую следовало залатать, пока не начались дожди, а сможет ли настолько невысокое тело дотянуться со стремянки до крыши — большой вопрос.

«Ладно, он сам разберется!» — решила девушка, потому что в целом объект ее вполне устраивал. Осталось только привлечь его внимание.

Впрочем, ее появление в баре уже многих заинтересовало. С девушками в заведении сегодня оказалось туго. Пьяные рожи то и дело бросали на Лину сальные взгляды, и низкорослый от них не отставал. Задача упрощалась многократно.

Шаг один — смотреть на него. Так, словно украдкой, но чтобы он обязательно заметил повышенный интерес.

Шаг два — пить сок из трубочки. Эротично. В этом Лине не было равных, она умелась обхватила трубочку губами, чуть склонившись над стойкой, и ме-е-едленно втянула в рот вкусную жидкость, продолжая стрелять глазками.

Жертва заинтересовалась и не отводила глаз от Лины.

Лина загадочно улыбнулась. Жертва выпрямила спину и повела бровью.

Лина плавным движением закинула ногу на ногу, скинув туфлю на кончики пальцев и покачивая ею в такт музыки. Пел Цой.

На нее уставились, наверное, все. Звон пивных бокалов поутих. Жертва расстегнула верхнюю пуговицу рубашки и раздула ноздри. Как лев.

Лина ладонью провела по бедру и как будто бы случайно чуть задрала платье, одновременно облизывая губы — и жертва, не устояв перед представлением, поднялась со скамьи и уверенно двинулась навстречу.

«Есть!» — подумала девушка.

— Потанцуем? — раздалось откуда-то справа.

«Дьявол!» — выругалась девушка и резко обернулась. Рядом стояло что-то, больше похожее на гориллу: с волосатыми руками, огромное и дико неприятное.

— Нет, — грубо ответила она.

— Чё пьешь? — как глухое, проигнорировало ее тело, бесцеремонно схватило Линин стакан с соком и подвинуло к себе, одновременно облакачиваясь на липкую стойку и обладая девушку мерзким перегаром.

— Отвали, придурок! — рассердилась она и вскочила со стула.

— Девушка со мной, — не растерялся подошедший низкорослый. Вблизи он смотрелся еще сексуальнее, джинсы плотно обтягивали подтянутые ягодицы, а на плечах красовался вполне приличный бицепс. На лицо Лина не обратила внимания. Оно ее не особо интересовало.

— Слышь, Малой, а пошли-ка спустимся, поговорим, — набычившись, насмешливо отозвалась горилла. Бармен уткнулся в телефон, делая вид, что надвигающейся грозы не замечает.

— Что из сказанного тебе не понятно? — агрессивно ответил маленький, выпятив грудь и сощутив глаза.

Объяснение столь неумному поведению жертвы нашлось сразу же, стоило только Лине присмотреться к ней. Зрачки, как точки, покрасневшие белки. Парень просто накурился. Досадно... Но у травы было большое преимущество перед алкоголем — никакого перегара. И Лина решила не отступать.

— Я с ним, — коротко бросила она горилле, схватила жертву за руку и быстро отвела к столикам, подальше от нетрезвой обезьяны. Там вспомнила, что ей нужно строить из себя наивную дурочку, и, глупо улыбаясь, добавила: — Спасибо!

И все пошло, как по накатанной. После пары дежурных фраз гордый самец пригласил девушку потанцевать и она, конечно же, не отказалась. Взяла его за руку и повела в угол, туда, где стройным рядом стояли колонки.

«Мое сердце без тебя

Как налитые груди без чада» — весьма кстати заунывно запела Маша, та, что с медведями, и еще несколько стихийных парочек тоже переместились на танцпол.

Оглушительно громкой музыкой закладывало уши, что избавило Лину от необходимости поддерживать беседу. Вот что-что, а разговаривать с живыми людьми противоположного пола она не умела и учиться не хотела. От тел ей не разговоры требовались, а кое-что другое. Зато она умела их распалить, чем сейчас и занялась активно — запустила руки под рубашку прижимающего ее объекта, провела ладонью по груди, убеждаясь, что волос на ней почти нет, пальцем нажала на миниатюрный сосок (девушка очень любила милые мужские соски); опустила руку ниже, ниже, оценила плоский живот; замерла на мгновение и посмотрела на реакцию парня. Судя по довольной физиономии, происходящее ему более чем нравилось. Он прижал к себе Лину сильнее и зачем-то противно наслюнявил её шею липким и омерзительно-горячим кончиком языка; девушка поморщилась и уверенно положила ладонь на пах жертвы, пальцами поглаживая набухающий член.

Не самый лучший экземпляр. Но и не самый худший. Представить себя с ним в постели получалось без проблем. «Говорят, что у невысоких член большой» — вспомнила Лина, прощупывая искомый органсквозь ткань. Вроде, обычный. Впрочем, размер ее тоже не особо интересовал. Лишь бы, как говорится, он в принципе был.

— Ммм, детка, я хочу тебя, — проорал парень в ухо, а после резким движением схватил Лину за волосы и подтянул губы девушки к своим губам, намереваясь поцеловать.

Лина отвернула голову, мысленно матерясь, и как можно более страстно заорала:

— Поехали ко мне! — в качестве доказательства серьезности намерений стиснула его упругие ягодицы ногтями и, преодолевая отвращение, все-таки ответила на поцелуй.

Уже через пять минут парочка запрыгнула в такси на стоянке и машина бодро тронулась с места.

Глава 3. Эгоцентричный секс с живым домом

Глава 3. Эгоцентричный секс с живым домом

— Ммм, какая у тебя сладкая попочка! — лапал ягодицы новый знакомый. — Ммм, ух как я ее!

«Размечтался! Димасика тебе в задницу!» — раздраженно подумала Лина, стараясь держаться от разошедшегося типа подальше. «Димасиком» она называла старый, добрый вибратор с отростком для стимуляции клитора, подаренный единственной подругой на день рождения. До недавнего времени она считала его лучшим любовником на свете.

Увы, в тесном автомобиле от приставучего тела спрятаться было негде, приходилось терпеть его поползновения и натянуто хихикать, чтобы жертва ничего неладного не заподозрила. Парень же уже вовсю распускал руки: то пытался просунуть шаловливые конечности под платье Лины, то в наглуую проводил разгоряченной ладонью по внутренней стороне бедер, что не возбуждало ни на йоту, а только на нервы действовало; и все это с таким похотливым выражением лица, что казалось, вот-вот, и с уголка его рта слюна польется.

«Ничего-ничего», — утешала она себя, брезгливо морщась, — «Скоро ты у меня попляшешь».

— Приехали, — пробурчал недовольный водитель, притормозив напротив дома девушки. Лина выждала пару секунд, наивно надеясь, что расплатится жертва, поняла, что не дожидется и полезла в рюкзак за кошельком.

— Какой дом! Ему лет триста наверное, ахаха, — оживился обкуренный тип снаружи. — А давай ты мне прямо тут отсосешь? Смотри, сосенки, цветочки, звездочки. Р — романтика!

— Ну-ну, потерпи немного, — пропела Лина, увлекая жертву за собой. «Щелк!» — и дверь приоткрылась сама по себе, едва девушка ступила на покосившееся крыльцо; опасаясь, что тип в самом деле, на радость бдящим соседям, приступит к активным действиям прямо во дворе, она ускорила и быстро вошла в прихожую. Свет, как обычно, вспыхнул сам по себе, сразу, во всем доме.

— У, да тут антиквариат повсюду прямо! — прижал ее к стене горе-любовник, лапая толстый поролоновый лифчик.

— Ш-ш-ш, разувайся и в ванну, топай в ванну! — оттолкнула его Лина, скинула неудобные туфли и поманила парня за собой в дальнюю комнату, где в старинную чугунную ванну уже набиралась вода.

— Ути какая, хочешь в ванной, да, куколка? Водичка, все мокренькое, — размечтался он, двигаясь за Линой по коридору.

— Вот этим помоешь голову. Этим почистишь зубы. Вот щетка, — девушка достала из ящика одноразовую зубную щетку в упаковке и протянула озадаченному парню, который уставился на нее взглядом аквариумной рыбки. — Потом прополоскаешь рот вот этим, минимум три раза, здесь мыло для интимной гигиены, вот этим побрызгаешь подмышки. Держи, одноразовая бритва. Вытрись вот этим полотенцем. Все понятно? — перешла она на суровый тон, расставив перед жертвой на полке несколько баночек, тюбиков и пузыречков.

— У какие мы суровые! Будешь сегодня моей госпожой? — игриво предложил парень,

хватая девушку за талию и протягивая к ней свернутые трубочкой слюнявые губы.

— Все будет. Жду тебя снаружи, — она отстранилась, шлепнула жертву по заднице и вышла, загадочно подмигнув.

За дверью Лина брезгливо отряхнулась и прислушалась: тело чем-то шуршало, наверное, раздеваясь, и гремело — наверное, пузырьками. После раздался плеск воды, напор из крана усилился и застучали брызги о шторку — парень начал мыться.

— Отлично, — хмыкнула Лина. Пол под ней мелко завибрировал, хрустальная люстра на потолке мелодично заиграла длинными висюльками. — Погоди немного, пусть сам моется, — добавила в пустоту перед собой.

Дом отозвался шорохом во всех комнатах. «У-и!» — заверещал проснувшийся Солнце из спальни. Окно в гостиной распахнулось, запуская вечернюю свежесть — и девушка, полной грудью вдыхая запахи леса, счастливо улыбнулась.

Еще немного. Еще чуть-чуть. Две недели она ждала этого момента, и сейчас изнывала от нетерпения. Главное, не забыть сделать одну очень важную штуку — и Лина схватила рюкзак, достала телефон с гарнитурой и бросила его в спальне на кровать.

Вот теперь все готово.

Хитрая жертва не стала мыться, как следует, проигнорировав большую часть напутствий; спустя всего пару минут дверь ванной распахнулась, и оттуда вальяжным шагом с гордым видом павиана вышел мокрый парень, облокотился о стену, повел бровью и, стремясь произвести неизгладимое впечатление на Лину, на все сто процентов уверенный в собственной неотразимости, завертел тазом, отчего член его раскачался, аки маятник.

«Ой придурок!» — мысленно закатила глаза девушка, всеми силами удерживаясь, чтобы не рассмеяться в голос.

— А теперь, детка, иди ко мне, — самоуверенно произнес парень, по-своему расценив реакцию Лины, развел руки в стороны и сделал шаг навстречу.

— Ага. Сейчас, — хмыкнула Лина, и чуть громче добавила: — Хватит тянуть, бери его уже!

— У как ты меня заводишь! Сейчас я тебя возьму, сейчас я тебя так возьму, что ты у меня!.. — жертва приблизилась еще немного, но, сделав пару шагов, остановилась. — Меня прет или стены трясутся?

Ему не показалось. В единый миг ходуном заходили не только стены, но и пол, и потолок, и весь дом в целом. Посуда бряцала на кухне, люстра заливала гостиную звоном, стекла дрожали — а Лина бесстрастно застыла посреди происходящего хаоса, сложила руки на груди, сощурилась и хищно ухмыльнулась.

И грозный вид ее не предвещал ничего хорошего.

— Какого хрена? — побледнел парень и попятился назад.

От испуга даже зрачки его вмиг стали нормальными и расширились, а с лица сползло туповатое выражение. С криком он собрался было броситься наутек, но сбежать не успел. Отовсюду, со всех сторон, прямиком от стен, пола и потолка просочился клубящийся серый туман и в считанные мгновения окутал его плотным коконом, вливаясь толстыми струями вовнутрь через все естественные отверстия — рот, нос, уши, анус. Тело парня забилося в конвульсиях, он упал, скрючился, захрипел, замахал руками, тщетно пытаясь избавиться от холодной субстанции — и пролежал так, корчась от невыносимой боли, секунд пятнадцать, пока туман полностью не влился в его тело. Как только последняя сероватая дымка просочилась вовнутрь, дом затих, а парень распластался на полу, словно мертвый.

Стандартный обряд. Лина наблюдала его от и до раз сто, и он уже давно не вызывал никаких эмоций.

— Солнце? — подскочила она к телу и присела рядом на корточки. Сердце ее подпрыгивало от радости, а дыхание участилось — она положила руки на плечи бездыханному телу и мелко потрясла их.

Парень дернулся и резко сел. Механическим движением, с идеально прямой спиной и шеей, приподняв руки на одном уровне для равновесия. Как робот.

Но то был уже совсем не обкуренный легкомысленный паренек, а кто-то другой. Это чувствовалось во всем. Выражение его лица изменилось с глуповатого на чересчур серьезное, губы поджались, брови свелись, а бывшие человеческие глаза превратились во что-то жуткое — ни белков, ни радужки, все перетянuto равномерным, клубящимся дымом, смотрящим в никуда. Мимика, манера двигаться — изменилось все.

— У-и! Со-олнце! — радостно воскликнула Лина и села верхом уже не на парня, обхватила руками, прижала к себе и положила голову ему на плечо. — Ну наконец-то!..

Больше всего на свете Лина любила его. До озноба. Ее идеал. Незримый, но чье присутствие ощущалось всегда, постоянно. Самый ласковый. Самый нежный. Самый надежный. Окутывающий ее любовью и не требующий взамен ничего абсолютно, угадывающий малейшие желания девушки — и тут же воплощающий их в жизнь. За его стенами Лина не боялась ничего, чувствовала себя защищенной. «Дома и стены помогают» — в случае девушки выражение принимало буквальное значение. Стены действительно помогали ей.

Ему было безразлично, как девушка выглядит. Он не донимал ее расспросами, где она пропадала всю ночь, не читал нотаций, не стремился переделать, ничего не требовал, он вообще никогда и ничего не говорил и принимал девушку такой, какая она есть, со всеми совершенствами и недостатками. Когда-то Лина, насмотревшись на отношения матери, бабки, подруг, соседей да и просто случайных знакомых, думала, что в жизни настолько идеальных и гармоничных отношений не бывает, и до сих пор поверить не могла в свалившееся на нее счастье.

Он запускал в дом прохладу тогда, когда девушке становилось жарко. Согревал воздух тогда, когда она мерзла. Ванна наполнялась сама при первом желании понежиться в воде, старинный самовар исправно сам кипятил воду; свет, двери, окна, мебель — почти все подчинялось ему, почти — потому что, к сожалению, дом мог управлять только старыми предметами, которые находились в нем изначально. И Лина сама не до конца понимала, что он из себя представляет — ей было без разницы. Она не помнила, как так получилось, что она вообще узнала про его существование, просто в один прекрасный момент приехала в дом прибраться после смерти бабушки, погибшей при загадочных обстоятельствах, утомилась, осталась на ночь, проснулась — и уже твердо знала, что именно нужно делать дальше.

Переезжать. Навсегда и немедленно. И... приводить тела.

Потому что только в его руках она таяла. Он один умел удовлетворить ее и сделать хорошо. Он не раздражал, не напрягал, не мельтешил перед глазами, не сидел на диване с самодовольным видом и не требовал обслуживания своей важной персоны. Но в то же время он был. Идеал. Лучший на свете. Ни один приземленный человек из плоти и крови со своими запросами и сверхценным мнением не мог с ним сравниться; перед Солнцем меркли

все.

Особенно для эгоистичной Лины.

Мягко говоря, она не любила мужчин. Не понимала их. Они раздражали ее. Она хотела бы быть лесбиянкой — но, увы, тянуло ее на мужиков. Увы, влюблялась она в мужиков. И спала с мужиками. И, если по молодости она наивно верила в то, что вот этот красавчик уж точно окажется «не таким», то очень быстро поняла, что «не таких» нет. Что дико разочаровывало девушку — пока в ее жизни не появилось Солнце.

Лучшее в мире.

С одним только недостатком. Совсем незначительным. Так, сущая мелочь. Тела у него не было. Но и это не расстраивало девушку. Предоставить любимому твердую оболочку она могла в любой момент, тогда, когда сама этого хотела; она могла менять внешний вид тел, попробовать того, этого, высокого, низкого, молодого, зрелого — но при этом внутри всегда находился он, а не неприятные личности. Солнышко. Единственное и неповторимое. И девушку все устраивало; более того, порой ей казалось, что отсутствие тела у любимого — это преимущество, а не недостаток.

Пусть большую часть времени Солнце не видно. Лина-то знала, что он есть. Всегда. Рядом. А большего ей и не требовалось.

— Я тебя сейчас съем, целиком, полностью! — повалила Лина его на кровать, едва Солнце с ней на руках переступил порог спальни. Она впилась в него губами, сперва осторожно, языком убеждаясь, что тот парень прополоскал рот выделенной антибактериальной жидкостью для свежести дыхания, а потом уже и смело, наслаждаясь, страстно; рукой массируя член, чтобы он затвердел до боевой готовности.

Презервативы. Как у хозяйственной девушки, в тумбочке Лины хранилось несколько пачек. Дрожащими руками она извлекла один презерватив, зубами разорвала упаковку и сама надела его на налитый кровью член. Стянула с себя платье, трусы, лифчик, бросила все на пол и легла на кровать, с силой зажмурилась.

Возбуждение накатывало само, от одного предвкушения.

Свет погас. Чтобы его выключить, Солнцу пришлось встать — находясь в чужом теле, он не мог управлять домом. Девушка лежала и слушала шаги: три туда, щелчок выключателя, и три обратно. Кровать прогнулась, скрипнула, и к девушке прикоснулись горячие ладони, ласково поглаживающие ее скользящими движениями от груди к животу. Едва касаясь. Она улыбнулась — немного щекотно, но приятно. Нащупала телефон и вставила в уши гарнитуру. Большой палец нажал на выпуклую кнопку — и в голову полилась ритмичная мелодия.

Солнце уже привыкло к новому телу и перестало угловато двигаться. Теперь его движения стали мягкими и плавными. Он просунул руку под затылок девушки, удобно располагая ее на своем плече, прижался горячим боком, а ладонями продолжил скользить по обнаженному телу — сперва по рукам, плечам, бокам, огибая наиболее чувствительные зоны, но постепенно захватывая и их тоже. Лина лежала, полностью отключившись от реальности и сосредоточившись на двух вещах: музыке и ощущениях. Солнце не слышало, что именно у нее играет, но всегда безошибочно улавливало ритм и подстраивалось под него.

Вот руки прошли по животу, приблизились к груди — Лина замерла — но они, словно издеваясь, опустились вниз. Вот они опять поползли вверх, в такт музыки немного виляя из стороны в сторону, почти добрались до цели — Лина задержала дыхание — но они снова

ускользнули. Когда же Солнце на третий раз добралось до груди и неожиданно пальцами провело по затвердевшим соскам, Лине показалось, что на мгновение к ней прикоснулся раскаленный прут — так они обострились. Все тело покрылось мурашками, она охнула и рефлекторно свела колени, пальцами вцепилась в простынь; дразнящие руки очертили грудь по спирали, вершина которой пришлась на кончики напряженных сосков — внутри словно задрожала натянутая струна. Лина, чувствуя, как ей становится все жарче, обхватила непривычное, довольное объемное и твердое на ощупь бедро партнера и непроизвольно вдавила в него ногти; он же оставил соски в покое и резко переместил одну руку вниз, другой прижимая девушку к себе; тыльной стороной ладони надавил на лобок, пальцем нащупал клитор и с легким нажимом помассировал его.

От сильных, безумно приятных ощущений Лина охнула и закинула одну ногу на партнера; палец Солнца опустился ниже, проник в нее, и, покрывшись смазкой, заскользил верх-вниз по чувствительным малым губам, особое внимание уделяя клитору; все ощущения сосредоточились там, внизу, где все увлажнилось как будто воспалилось; от блаженства девушка застонала. А он, улавливая бешеный ритм очередной композиции, все ускорялся, убыстрялся, усиливал нажим — она огнем загорела и прикосновения его стали казаться невозможно, чертовски приятными, на грани боли.

— А-ах! — схватила Лина Солнце за плечо, когда поняла, что еще чуть-чуть, и кончит; но с членом внутри оргазм получался ярче.

Но он и без ее явных жестов знал, что пора. Замедлив темп пальцев, Солнце выпуталось из объятий девушки, нависло над ней и, словно издеваясь, поцеловало соски, медленно, каждый обводя языком, заставляя девушку вздрагивать и изнывать от нетерпения; прикоснулось головкой члена к влажной вульве — Лина напряглась в предвкушении и ногами обхватила тело партнера, самостоятельно проталкивая его вовнутрь — и он, поддавшись, осторожно, медленно вошел в нее.

Лина зажмурилась, стиснула зубы, сдвинула ноги вместе и скрестила их, плотно обхватывая член; Солнце, ускоряя темп фрикций и одновременно кончиком пальца едва ощутимым движением массируя увеличенную горячую точку, довело ее до исступления, до слез из глаз — и в критический момент, когда она была готова закричать «Хватит!», подхватило девушку за поясницу, приподняло и с силой прижало к себе.

— О-ох, — в экстазе выдохнула Лина, чувствуя, как мышцы с силой сокращаются, принося ей восхитительное чувство полного удовлетворения и эйфории — и именно в этот момент Солнце издевательски надавило на клитор тремя пальцами и замерло, тем самым усиливая ощущения стократ.

— Мама дорогая, — утирая мокрые глаза, свернувшись она калачиком, когда мышечные сокращения пошли на спад. — А теперь я хочу чай и повторить в ванной!..

А ее желания в этом доме были законом.

— О-о! А-а! Ох всемилостивые боги, да, да! — постанывала Лина, когда Солнце чесал ей, изнеможенной, спину, с силой надавливая на кожу ногтями.

Он мог чесать ее часами. Часами! Да хоть всю ночь напролет, если ей того хотелось. И не нить, что устал и что ему надоело. И переставал только тогда, когда надоедало ей, ну, или когда Лина засыпала. Как, например, сейчас.

Трех оргазмов за вечер ей вполне хватало. Четвертый получился бы вымученным, приносящим неудовольствие, а усталость. Солнцу было без разницы, он мог ублажать ее

хоть всю ночь, если потребуется, но при этом никогда — никогда! — не кончал сам. Лине иногда казалось, что их секс чем-то напоминает мастурбацию, где он выступает в роли самостоятельного, живого вибратора. Впрочем, такой секс, направленный на удовлетворение исключительно ее, устраивал девушку более чем. И она никогда не задумывалась, а зачем ему все это надо, почему он над ней так трясется — если сам с этого профита, вроде бы как, не имеет.

Посапывая во сне, Лина не видела, как тихо отошло от нее Солнце. В наушниках с негромкой музыкой она не слышала, как он приводил себя в порядок — подлатал осыпавшуюся штукатурку на чердаке, заделал трещину в крыше, с трудом дотягиваясь до нее со стремянки; натер мебель до блеска и собрал пыль по углам.

Лина уже и забыла, когда приводила дом в порядок самостоятельно.

До самого ура Солнце шуршало и делало то, что не могло сделать без тела. И, когда девушка проснулась по будильнику, ее окружал идеальный порядок. Чисто, свежо, все по полочкам; а с кухни просачивался терпкий аромат свежесваренного чая. Настоящее солнце вовсю светило в окна, из леса доносился бодрый птичий клич; чудесное, восхитительное утро.

Он присел на край кровати и провел рукой по волосам Лины, головой кивая в сторону выхода.

— Тебе уже пора? — потирая глаза и улыбаясь, спросила она. Могла бы и не спрашивать: сквозь серый туман в глазах Солнца стала слабо просвечиваться радужная оболочка, что обозначало только одно — время пришло.

Он кивнул.

Зевая, девушка набросила на плечи банный халат, взяла в ванной вещи вчерашнего парня, обняла Солнце на прощание и поцеловала его.

— Ну, давай.

Вчерашний обряд повторился, только в обратном порядке — теперь туман сочился из парня и впитывался в стены. Вскоре бездыханное тело распласталось по полу, иногда вздрагивая конечностями от серии мелких судорог — но уже через секунд пятнадцать начало подавать признаки жизни.

— О-ох, — простонал парень, с трудом принимая сидящее положение. Лицо его позеленело, рот искривился. Он недоуменно осмотрелся и уперся взглядом в Лину, сурово нависшей над ним и упершей руки в бока.

Судя по всему, он в упор не помнил, кто это такая.

— Убирайся! — артистично и гневно выкрикнула она. — Пошел вон!

— А-а, меня тошнит... где я?.. ты кто?.. — схватился парень за голову, едва удерживая рвотные позывы.

— Накуренный придурок! Приехал и отрубился прямо на полу! Пошел вон и чтобы глаза мои тебя больше никогда не видели! — перешла на визг Лина, прекрасно зная, что сейчас ее пронзительный голос доставляет жертве невыносимую боль, и что он что угодно сделает, только бы она замолчала. — Во-о-он!

Обессиленный, он с трудом поднялся на ноги. Лина сунула ему в руки одежду и вытолкала за дверь, с силой хлопнув ею за его спиной. Ничего не понимающий парень кое-как натянул одежду и шатающейся походкой побрел прочь, не зная, где он находится и куда ему идти.

На лесной тропе его обильно вырвало.

Глава 4. Внеплановая жертва

Глава 4. Внеплановая жертва

— Слушай, Кира, а ты точно не гей? — с насмешкой в голосе спросил парень из компании, заглянувшей в ближайшее кафе на чашечку кофе. Напротив него сидел молодой человек, чей внешний вид действительно вызывал вопросы — обильный пирсинг в ушах, отполированные до блеска ногти, полупрозрачная футболка и довольно длинные волосы. Но, если к метросексуальной внешности парня друзья давно уже привыкли, то к новой прическе — пяти заплетенным колоскам, змейками оплетающим голову от лба к шее — отнеслись с долей иронии.

— Да вы достали меня, — беззлобно откликнулся он.

— Нет, ну серьезно. Нафиг ты чучело-то из себя строишь? Че как фрик-то? Будь мужиком!

— Не, ну ты посмотри вокруг! Все бабы, как бабы, мужики как мужики, а ты как... как... как гей! — поддакнул другой товарищ.

— Очень оригинально, — хмыкнул Кира, но вокруг все-таки посмотрел.

Ну, да. Все собравшиеся девушки походили одна на другую — длинные волосы, юбки-платья, каблуки. То же и с мужчинами. Джинсы, футболки, ежики на голове... Одна только дама сидела в брюках, да один паренек прятал длинные волосы под капюшоном. Или не паренек... приглядевшись, Кира понял, что тот человек за обособленным столом — все-таки девушка, просто она надела на себя определенно мужскую толстовку и мешковатые джинсы с дырками на коленях. Судя по всему, внешний вид ее не особо заботил, на лице не наблюдалось ни грамма косметики, а на ногах красовались старые, потрепанные, но наверняка очень удобные кеды. Что не могло не заинтересовать Киру — он любил что-то отличное от большинства.

— Что, понравилась? — заговорщицки прошептал товарищ, склонившись к нему чуть ближе. — А познакомиться подойти слабо?

— А? Да не, зачем, — отмахнулся Кира, продолжая, однако, наблюдать за девушкой. Что-то такое в ней было. Что-то притягивающее взгляд. Не то небольшая грудь, формы которой почти не угадывались, не то прилипшая к рукаву пушистая нитка...

Она вызывала ассоциацию с хорошим, крепким вискарем. Черт бы знал, почему.

— Значит, ты все-таки гей! — победоносно воскликнул собеседник.

— Как ты меня достал! — прорычал Кара, закатывая глаза.

— А чего сидишь тогда, как истукан? Давай.

— Давай, Кирюха, сделай это!

— Смотри, она как Кенни! — девушка успела заметить интерес к своей персоне, и, наверное, от смущения, потянула за шнурки капюшона и стянула его так, что наружу выглядывали только большие глаза да кончик носа. — Ты же любишь Южный парк!

— Не ссы, нормально все будет!

— Не будь геєм! — поддакнули со всех сторон.

А девчонка смотрела в упор и невинно хлопала огромными глазами. И Кира, глотнув кофе для храбрости, под подбадривающий хор друзей, все-таки поднялся с места и выдвинулся ей навстречу...

Лина частенько заглядывала в уютное кафе, расположенное напротив ее работы. Потому что готовить она не любила — это во-первых, а во-вторых, работала она до семи, в то время как маршрутка приходила в половину восьмого, и лишние полчаса нужно было чем-то занять.

И сейчас она неспешно пила горячий кофе, заедая его любимым чизкейком, и лениво осматривала прочих посетителей. Голова девушки наполовину скрывалась под капюшоном любимой толстовки с надписью «Джек Дэниэлс» на всю грудь, коленка проглядывала через огромную дыру в джинсах, старые потрепанные кеды покачивались в такт музыки, игравшей в ушах.

Лина не сразу заметила его. Красавчика напротив. А когда увидела, то не смогла отвести глаз. Поначалу ей показалось, что тот прелестник — гей, потому что за свои двадцать четыре года она ни разу не видела в родном городе мужика с красиво заплетенными колосками на голове, но, поскольку очаровательный тип откровенно и неоднозначно поглядывал на нее, девушка отмела догадку.

Он напоминал какого-то актера. Не то Ди Каприо, не то Гарри Стайлза. В Кафетериус любили заглядывать неординарные личности, но этот же побил все рекорды. Переплетенные прядки притягивали взгляд магнитом; они, вопреки логике и здравому смыслу, чертовски ему шли, облагораживали, что ли. Краем глаза Лина заметила, что на него нет-нет, украдкой или в открытую, но смотрят почти все посетители.

А он смотрел только на нее. Отчего девушку почему-то бросило в пот. На всякий случай она обернулась — быть может, парня заинтересовала картина позади нее? Но на стене вообще ничего не висело, значит, смотрел все-таки на нее, что дико смутило девушку — и она автоматически потянула за шнурки капюшона, и так, из мнимого укрытия, продолжила изучать его.

Широкие плечи. Издевательская полупрозрачная футболка, сквозь которую просвечивались хорошо развитые мышцы. Особенно притягательно смотрелась спина с очерченными мясистыми лопатками и затемненной выемкой вдоль позвоночника. Рельефная грудь, ореол соска на которой выглядел так, словно его намеренно чем-то обвели — резко контрастный, хорошо заметный даже издали. Но ореол еще ерунда. Больше всего Лину заворожили сами соски. Темный кружок и пупырышек посередине. Словно замерзший и оттого затвердевший, он так четко выпирал, что его неудержимо захотелось потрогать пальцем. Воображение дорисовывало и второй сосок, который сейчас не было видно, потому что его обладатель сидел в пол оборота к ней; оно же всю представляло парня без мешающейся футболки, в движении, так, что мышцы его перекачивались под кожей и напрягались то тут, то там — девушка непроизвольно стиснула колени.

«Чего он на меня так пялится?» — отрешенно подумала она, сверля взглядом смотрящего на нее парня. Обычно на Лину в таком будничном виде внимания никто не обращал, даже на работе соседки по прилавку иной раз высокомерно хмыкали в сторону девушки, мол, одеваешься хуже уборщицы. Техничка, Нина Петровна, казалась ей замечательной женщиной, у которой всегда можно было стрельнуть сигаретку, и одевалась она со вкусом — и Лина никак не могла понять, какого черта их вообще сравнивают и почему одеваться, как уборщица — плохо.

За размышлениями девушка совсем упустила из виду момент, когда не запрещенный мужской сосок вдруг поднялся с места и выдвинулся к ней. А когда очнулась, то аппетитно выпирающий пупырышек находился всего-то в паре метров от нее и неумолимо продолжал

приближаться; от неожиданности она поперхнулась кофе и закашлялась.

Сосок замер в полуметре от девушки; очаровательные губы парня на симпатичном лице зашевелились и мелодично пропели:

— One in a million! — и растянулись в улыбке, чуть обнажая белые, ровные зубы (без каких-либо признаков кариеса!)

«Обалдеть!» — подумала Лина и тут только сообразила, что сидит в наушниках. Она быстро вытащила их и, отчего-то чувствуя себя крайне неловко, переспросила:

— Что?

— Вы здесь одна?

На всякий случай девушка посмотрела направо и налево, убедилась, что за столиком помимо нее никого нет, и утвердительно кивнула.

Внутри нарастало непривычное напряжение. Близость аппетитного тела напрягала, но в то же время Лина поняла, что упускать шанс поиграть с настолько необычным объектом никак нельзя, тем более, что парень сам к ней подошел, без каких-либо ухищрений с ее стороны. Никто его о том не попросил; сам подошел — сам виноват. Вот только на сей раз она оказалась совершенно не готовой, чувствовала себя так, словно ее застали врасплох за нехорошим делом, и все смешалось в голове. Да и как можно сосредоточиться, когда перед лицом маячит, черт бы его побрал, такой потрясающий сосок?!

— Можно присоединиться? — продолжал упорствовать красавчик, и Лина автоматически кивнула.

Теперь на уровне глаз оказалось лицо парня. Девушка еще раз пробежалась взглядом по переплетенным русым прядям, отмечая, что перхоти на голове нет; полюбовалась родинкой на подбородке, обратила внимание на цвет глаз — болотно-зеленый, посчитала серьги в ухе — пять колец, и сглотнула обильную слюну.

Вероятно, молодой человек смутился от того, что его настолько неприкрыто разглядывают, потому что следующей фразой произнес:

— Если я мешаю, то...

— Нет-нет, ахаха, — быстро отреагировала Лина, не понимая, отчего ей вдруг стало так весело. — Классная прическа.

— В первый раз мне говорят, что она классная, — с лица парня полностью сошло напряжение. — Меня Кирилл зовут. А вас?

— Кирилл... — повторила девушка, пытаясь разглядеть сквозь футболку, есть ли на его груди волосы. Вроде бы, чисто. Но не на сто процентов. Волоски могли оказаться светлыми и слиться с цветом футболки.

— Вас тоже зовут Кирилл? — парень опять невозможно очаровательно улыбнулся.

— Что? Ах, нет, конечно, нет. Лина. Очень приятно, ахах.

«Да что за чертовщина?!» — выругалась она мысленно; взять ситуацию под контроль никак не получалось, и идиотические смешки вырывались наружу помимо ее воли. И ладно бы ими дело и ограничилось, так нет! Руки почему-то задрожали, ладони вспотели, а в голове воцарилась полнейшая сумятица, словно она не кофе чашку выпила, а бутылку шампанского. Залпом.

— Лина? Необычное имя. А полное как звучит?

— Ангелина, — девушка не утерпела и тоже очаровательно улыбнулась. Только на сей раз не притворяясь, а искренне — чему сама удивилась.

— А меня сокращенно зовут Кира. Или Кирюха. Кому как нравится.

— Кира? Это совершенно потрясающе, — губы растянулись еще шире.

— Вы правда так думаете?

— Можно на «ты».

— Хорошо.

«Какой вежливый!» — восхитилась Лина, трясущимся пальцем очерчивая кружку с остатками кофе.

Но она-то знала, что вежливость ни о чем не говорит. Все они поначалу милые и строят из себя «не таких», а потом наружу такое лезет, что хоть святых выноси. То ли дело Солнце!..

А еще она прекрасно понимала, что с такими вежливыми ребятами действовать следует предельно осторожно. Если прямо сейчас предложить красавчику поехать к ней — он может запросто стушеваться. Правильные интеллигенты, они такие. И хотя после прошедшей ночи мышцы до сих пор ныли, а темпераменту девушки вполне хватало раза в две недели, а то и реже, предвкушение от внеочередной порции блаженства уже возбуждало ее.

Такое славное тело с косами, да с мышцами, датрезвое- упускать нельзя. Ни в коем случае! Надо его заманить, но так, словно случайно, но как?!

— А часто ты сюда заходишь? — парень всеми силами старался поддержать разговор. Хотя Лина и видела, что он нервничает и что сам толком не знает, о чем поговорить. Его друзья, все, как один, вывернули шеи в их сторону и наблюдали за парочкой, как за экзотичными зверьками в клетке.

— Периодически.

— А вот это, — он протянул к ней руку и прикоснулся к плечу. Черт бы его побрал, но даже сквозь толстовку девушка почувствовала что-то, сопоставимое с ударом электричества — и возбудилась еще сильнее. — Это задумано так, да? — и поболтал в воздухе незаметно прилипшей к рукаву ниткой. Пушистой. Кид Мохер.

— Ах-ха-ха, — ответила Лина.

— Может, заказать что-нибудь?

— Нет, мне... — Лина бросила взгляд на телефон, и гениальное решение проблемы само пришло на ум. — Ой! Ну вот!

— Что такое?

— Заболталась, на автобус опоздала... — грустно протянула она, невинно хлопая глазами.

Кажется, план сработал. У красавчика загорелись глаза, и, как и предполагалось, следующими его словами стало:

— Может, тебя подвезти?

— Да нет, не стоит, — применяя все свое актерское мастерство, очень скромно улыбнулась Лина.

— Ну ты же из-за меня опоздала. Мне не трудно. Ты далеко живешь? Заодно познакомимся поближе. Нет, я не в том смысле, — он дико забавно смутился, прикрыл глаза и потряс головой, — А это, пообщаться. В смысле, поговорить.

— Да не, я ничего такого и не подумала, ахах. Ну, раз тебе не трудно... давай. А я за это угощу тебя чаем. У меня дома чай как раз есть. Ну и заодно познакомимся. В том смысле, что поговорить. М-да. Идет? — девушке захотелось провалиться сквозь землю. Так бессвязно она, наверное, никогда еще не говорила.

— Идет!

«Есть!» — возликовала Лина, мысленно потирая ладони и поднимаясь из-за стола. Красавец Кира встал тоже, быстро подошел к столику со своей компанией, схватил со спинки стула рюкзак, перекинулся парой слов с подбадривающими его ребятами; обогнул девушку и распахнул перед ней двери.

— Леха, пока! — попрощалась Лина с барменом и довольная донельзя вышла из кафе.

Глава 5. Без шлема опасно. Особенно в гостях

Глава 5. Без шлема опасно. Особенно в гостях.

— Классный рюкзак, — сказал Кира, с любопытством изучая новую знакомую.

— Ему семь лет, — с гордостью ответила она.

«Оно и видно...» — подумал парень, осматривая потертый почти до дыр рюкзачок зеленого цвета. Непонятно, как он до сих пор держал форму и не рассыпался на части от старости — лямки защиты грубыми ручными стежками, декоративная заклепка наполовину отвалилась, молния кармана застегивалась не до конца. Забавный вариант дамской сумочки, полностью соответствующий своей обладательнице.

Ни на секунду не пожалел Кира, что все-таки подошел познакомиться. Давненько ему не попадались настолько забавные кадры. Такого стремительного развития событий он ну никак не ожидал, но оно его устраивало более чем, так, что уголок рта то и дело абсолютно непроизвольно приподнимался, а глаза неустанно наблюдали за девчонкой. Новая знакомая оказалась совсем невысокой, ниже на целую голову; хрупкой и худенькой, вещи на ней висели, как на вешалке. Она шла по правую руку от него и вроде бы ничего такого не делала, но отвести от нее взгляд не получалось. Что-то в ней такое было. Интригующее. Сильно.

Кирилл припарковал мотоцикл через дорогу от кафе, и сейчас вместе со спутницей дожидался зеленого сигнала светофора. Погода стояла отменная. Огромное солнце краем диска коснулось крыш домов и окрасило город в красный цвет. Красиво. Тепло. С набережной тянуло свежестью. И настроение, под стать погоды, держалось отменным.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А тебе не страшно приглашать в дом незнакомого парня? — спросил он, когда взаимное молчание несколько затянулось.

— Не, ахаха, — опять как-то нервно захихикала она, поглядывая на его грудь.

Она с самого начала смотрела не в лицо, а почему-то на грудь. Что напрягало.

— Почему?

— У меня с собой нож. Вопрос в другом. А не страшно ли тебе ехать в гости к совершенно незнакомой девушке, ахаха.

«Чего она все время ржет?» — озадачился Кира, а вслух сказал:

— Конечно, нет. У меня же тоже с собой нож! — и тут же прикусил язык.

На месте девушки он сейчас передумал бы тащить в дом неизвестно кого — чего ему ну очень не хотелось бы — но Линка оказалась не из робкого десятка.

— Правда? Покажи! — недоверчиво покосилась она.

— Вот, — он пошарил рукой в абсолютно новом рюкзаке и извлек свое детище.

— Вау! — выхватила она нож из рук. — Это же бобик! А у меня вот, — она незаметно и быстро достала откуда-то свою игрушку, нажала на кнопочку на рукоятке и теперь размахивала перед лицом Киры уже двумя ножами, — А у меня вот этот, китайский, а я хотела бобика заказать, но его в наличии не было! А у тебя бо-о-обик!.. — жалобно протянула она и состроила такое умильное лицо, что Кира почему-то вспомнил Грома, своего пса, французского бульдога с огромными вечно печальными и влажными глазами.

— Ну, их же с производства вроде бы как сняли, — на всякий случай Кира отступил чуть назад, и краем глаза заметил, что зеленый сигнал они пропустили. — Можешь себе его оставить.

— Правда? — так радостно загорелись ее глаза, что Кира сам заулыбался. — Вот теперь я вообще ничего не боюсь! У меня теперь два ножа, ахаха, — с каким-то злодейским акцентом рассмеялась девушка, направив на парня оба острия.

«Точно, ненормальная!» — пришел к выводу Кира, отступая еще дальше и начиная жалеть, что так опрометчиво под сиюминутным порывом вооружил ее. Но странное поведение Лины, вопреки логике и здравому смыслу, не оттолкнуло его, а только сильнее возбудило любопытство. Разбирается в ножах. Общается так невпопад, словно только вчера выбралась из пещеры. Смеется через слово. Капюшон с нее слетел, в полувывернутом виде скомкался на спине, так, что его неудержимо захотелось расправить самому — однако саму девушку такая мелочь не волновала совершенно.

«Интересно, в постели она такая же ненормальная?» — подумал он, а вслух спросил:

— Ты работаешь или учишься?

Зеленый свет в очередной раз загорелся, и они пошли через дорогу, к стихийной парковке напротив торгового центра.

— Хвала богам, уже не учусь, — уклончиво ответила она.

На другой стороне дороги Кира подошел к мотоциклу и сбросил с плеча рюкзак; девушка замерла на месте и в восхищении округлила глаза:

— Вау! Мы на вот этом поедем?! — и ткнула пальцем в блестящий металлический бок.

Кира выпрямил спину и не без удовольствия полюбовался восторженным видом девчонки. Обычно на его подержанный, но, надо заметить, весьма неплохой мотоцикл «Ямаха Диверсион» именно так и реагировали, особенно те, кто не особо часто сталкивался с подобным видом транспорта, но каждый раз его распирало от гордости. Да он и сам бы так восхищался, предложи ему кто-нибудь прокатиться на подобном черном, гладком, блестящем, мощном и комфортном, отлично управляемом (и так далее) монстре.

— Да, — как можно более ровно ответил он. — Шлем только один. Надень, — и он достал из кофра искомый предмет.

— Вау, ты сказал «надень», ахаха, — опять с чего-то развеселилась новая знакомая. — В шлеме в наушниках неудобно будет, себе оставь. Обалдеть! — и она ладонью провела по черному, гладкому боку Яны (как мысленно называл Кира любимое детище).

— Без шлема опасно, — упрямо возразил он.

— А давай ты не будешь на меня давить, — язвительно отреагировала девчонка и сдвинула брови.

Кира упорствовать не стал и убрал шлем в кофр.

— Куда ехать?

— Тимирязево. В сторону Снегирей. Там, прямо на стыке.

— Это где раскопки?

— Да, рядом. Не доезжая. Я покажу, там запутаться можно.

— Понял. Садись.

Не так просто управлять Яной, когда сзади к тебе так сильно прижимаются. Парень подобной прыти не ожидал, девчонка словно с ума сошла. Хотя на мотоцикле места для пассажира было достаточно, она все равно села впритык к Кире, руками обхватила его за талию, крепко, а бедра плотно прислонила к его ногам, что сильно заводило и мешало следить за дорогой. Заводило так, что парень думал не столько о дороге, сколько о примыкающей к нему хрупкой девушке, и чуть было не остановился у ленинской аптеки,

чтобы заpastись презервативами, но вовремя опомнился и решил, что вот так сразу напирать не стоит — вдруг диковатая девчонка спугнется?.. Тех двух упаковок, что с незапамятных времен хранились в кофре, на первый раз вполне должно хватить.

Шестое чувство подсказывала Кире, что пресловутым «чаем» дело не ограничится, и воображение уже всю представляло девушку раздетой. Интересно, что же там скрывается, под бесформенной толстовкой и мешковатыми штанами? Он положительно относился к сексу на первом свидании, как и на втором, и на третьем, и на... главное, чтобы хотелось. А сейчас ему хотелось, и даже очень.

Некоторое время Лина почти не шевелилась. Проспект Ленина и Лагерный сад остались позади. А на мосту она немного оживилась и неожиданно переместила ладони к груди. И ладно бы девчонка на том остановилась, так нет же. Ее пальцы, словно издеваясь, очертили соски, а потом, скорее всего, в ритм музыке, самыми подушечками поверхностно провели и по самим соскам — туда, сюда, туда, сюда. Кровь волной резко ударила вниз, в джинсах стало тесно.

«Твою мать!!!» — мысленно выругался дезориентированный Кира; мотоцикл вильнул на дороге. К счастью, поток машин был не особо плотный, и все обошлось без последствий.

Линка, скорее всего, испугалась, потому что руки ее съехали вниз и больше не шалили. Что Киру, с одной стороны, обрадовало, а с другой — немного расстроило. Ощущать ее прикосновения было очень приятно, хоть и неуместно, и зайти к ней «на чай» захотелось невыносимо сильно.

Вскоре мотоцикл повернул с центральной трассы на боковую дорогу, сбавил скорость и обогнул поселок. Лина жестами указывала, куда именно нужно ехать. Дом ее стоял обособленно от прочих, почти в самом лесу, довольно далеко от ближайших остановок.

Кира заглушил мотор, подождал, пока девушка слезет с сиденья, прислонил мотоцикл к забору и с любопытством осмотрелся. При свете заходящего солнца местность выглядела потрясающе: от высоких сосен, коих здесь росло бесчисленное множество, на землю падали длиннющие тени, сеть белеющих в траве тропинок паутиной тянулась в чащу, все зеленое, чистое, словно нетронутое и девственное. В лесу что-то шуршало и мелодично пело, хвойные запахи будоражили. Тихое, уединенное и безумно красивое местечко; не верилось, что всего в нескольких минутах езды отсюда начинается шумный город.

А вот дом новой знакомой, увы, несколько выбивался из окружающей обстановки. Старый. Нет, не так. Очень старый. Почти черный от времени, одноэтажный и совсем небольшой, немного покосившийся. Рамы с резными ставнями, такие были популярны больше ста лет назад; раритетный флюгер на козырьке покатой крыши. В свете заходящего солнца он выглядел зловеще. А вот баня, расположенная на участке, совсем новая. Больше похожая на теремок, такие на заказ делает местная строительная фирма. Сам участок среднего размера, на вид соток восемь, обнесен обычной деревянной изгородью; заросший, но в зарослях все-таки угадывалось некое подобие грядок.

К дому вела протоптанная тропинка, выложенная плоскими камнями.

— Пошли, — махнула ему Лина и быстро засеменила по дорожке, словно куда-то торопясь.

— Ты одна живешь? — последовал за ней, глазами пожирая хрупкую фигурку и с трудом удерживая себя, чтобы не нагнать ее и не повалить на землю тут же, во дворе. Давно желание так не накрывало его: после поездки Кира все еще не мог прийти в себя, и надеялся, что его возбуждение со стороны не очень заметно.

— Угу.

— И за огородом одна следишь? Не сложно?

— Да здесь кроме кабачков ничего не растет.

— Почему кабачки?

— Да потому что они вкусные и растут почти сами по себе.

«Логично!» — мысленно согласился Кира. Вот что-что, а поездки на дачу с родителями он и сам не переносил, и не понимал, зачем нужно вкалывать на огороде, когда все необходимое за копейки можно купить в магазине.

На крыльце Лина потянула почему-то незапертую дверь и жестом пригласила его войти. Он шагнул в темное нутро дома, девушка зашла следом и замерла на пороге, задумчиво потирая кончик носа.

— Может, свет включишь? — подсказал ей Кира, когда прошло секунд десять, а она так и не сдвинулась с порога.

— Свет... ахаха, да, свет, — как-то растерянно отозвалась девушка и, бормоча что-то под нос, принялась ощупывать стену за висящей на вешалке одеждой. — Да где ж этот чертов выключатель? А, он ж у другой стены... Вот! — что-то щелкнуло, и прихожая залилась ярким светом.

Внутри все оказалось гораздо лучше, чем снаружи. Выцветшие обои с обильными розами, старые, придающие дому особый винтажный шарм. Так же дело обстояло и с мебелью; будь Кира коллекционером антиквариата, ему бы непременно захотелось что-нибудь приобрести. Трюмо с резьбой и изогнутыми ножками, на котором вместо баночек-скляночек и прочих штучек грудой лежали клубки, крючки и спицы; зеркало в массивной раме; узорчатая вешалка, с верхней полки которой только чудом не осыпалась гора из вязаных разноцветных шапок и шарфов. От прихожей тянулся длинный темный коридор, вдоль которого по обе стороны располагались двери — по две с каждой стороны; и упирался он, скорее всего, в кухню, о чем красноречиво говорил стоящий там круглый обеденный стол.

Уютная и домашняя обстановка. Никакого запаха затхлости, что иногда поселяется в старых постройках; чисто, просторно, свежо, словно в доме только-только провели генеральную уборку и тщательно проветрили все комнаты.

Закончив с осмотром дома, Кира перевел взгляд на девушку. И сейчас только обратил внимание, что с ней что-то не то. Нет, с ней с самого начала было «что-то не то», но сейчас странность достигла апогея. Вся ее былая смелость растворилась, она вцепилась двумя руками в рюкзак, прижимая его к груди, и от парня отошла на приличное расстояние — хотя Кира предполагал и наивно надеялся, что девушка набросится на него с самого порога. Ведь зачем-то же она привела его в гости, зачем-то лапала по дороге? Но нет. Надежды не оправдались. С растерянным видом, к чему-то прислушиваясь, девушка обогнула его бочком и пошла по темному коридору.

— Все в порядке? — последовал он за ней.

— Что? А, не... просто... вода не льется... свет... не горит... — еле слышно пробормотала она под нос.

— А должен? — Кира решил взять инициативу в свои руки, подступил сзади и осторожно приобнял девушку за талию, одновременно прижимая ее к стене.

— Не, не надо... — испуганно округлив глаза, выпуталась она. — Солнце, ты чего? — добавила громче, с нескрываемым страхом в голосе, одновременно пятясь от Киры — словно

он представлял собой угрозу. Что ему очень не понравилось, он никогда бы не позволил себе делать что-то насильно.

— Ладно, ладно, — быстро убрал руки. — С кем ты говоришь?

— А? Так это... Свинка. Морской свин...

— У тебя есть свинка? И ее зовут Солнцем? — на всякий случай уточнил Кира, чувствуя, что уже совсем ничего не понимает. Ни ее поведения, ни ее мотивов — ни-че-го.

— Да, свин... Солнце!

— У-и!!! — пронзительно запищало из комнаты напротив.

— Слушай, если я некстати, то... Что у тебя со стенами?..

Кире вдруг показалось, что пол под ногами пошел ходуном. Он прислонил ладонь к стене и понял, что ему не кажется — рукам передалась ощутимая вибрация.

— Что? Ах, не-не, просто... у меня машина стиральная белье отжимает. Точно. Она старая и немного барахлит. А вообще, знаешь, да, я тут вспомнила... Дело одно надо сделать, очень срочно. Так что ты это, давай, — она красноречиво замахала рукой в сторону выхода.

— Э-э, а как же чай? — попробовал было возмутиться Кира, но бойкая девушка, подталкивая парня в спину, сама протаранила его к выходу. Стены заходили ходуном, словно в метре от дома проходила железная дорога, по которой сейчас мчался грузовой поезд; где-то зазвенела люстра.

— Давай-давай, очень, знаешь ли, срочное дело у меня, ахаха, — со стены сорвалась картина и чуть было не приземлилась Кире на голову.

— Да что за?! — подпрыгнул он.

— Ой, осторожно! — девушка резко дернула парня на себя, и вовремя: неприметный люк в дощатом полу прямо под его ногами распахнулся, и Кира чуть было не свалился в подпол.

От неожиданности сердце подпрыгнуло и разошлось в бешеном ритме; стало не по себе.

— Слушай, да что у тебя тут...

— Да я просто перестаралась петли смазывать, ахаха, — огибая препятствие, поспешно тащила его Лина.

— Так давай я помогу, что ли!

— Да не, я привыкла уже. На, твой рюкзак, все, пока, — распахнула она двери и вытолкала его наружу.

«Бабах!» — что-то ухнуло позади и разбилось; дверь за спиной с силой захлопнулась.

«И что это, черт возьми, было?!» — вцепившись в перила, обескураженно обернулся Кира.

Глава 6. Про цепкий глаз и наблюдательность

Глава 6. Про цепкий глаз и наблюдательность

Кира был мастером тату-салона, с ай-кью гораздо выше восьмидесяти, а вот дураком он не был. И то, что на его глазах только что произошло нечто из ряда вон выходящее, он сразу понял. Его все еще немного потряхивало, шутка ли, всего несколько минут назад он чуть было не свалился в подпол, рискуя переломать конечности, а на его голову чуть было не приземлилась картина в массивной раме. Одним сотрясением вряд ли удалось бы отделаться. Да и стены... что это за стиральная машина, от которой натурально дом ходит ходуном?

«Нечисто, что-то здесь нечисто...» — подумал он, унимая трясущиеся руки. Кира приложил ладонь к дверному косяку и зажмурил глаза, но никакой вибрации не уловил. Все тихо. Следовательно, или гром-машина отжала белье, или... показалось?

Хорошо, возможно, стены действительно дрожали от машины, но как объяснить тот факт, что люк распахнулся сам по себе, едва он занес над ним ногу? В историю про хорошо смазанные петли не верилось совершенно. А картина? Она же тоже свалилась именно тогда, когда он проходил под ней! Слишком много совпадений, чтобы списать все на нелепую случайность. В доме определенно происходит что-то странное. Хотя парень и не верил во всякие там полтергейсты, домовых и прочие необъяснимые шпучки — чувство, что он сейчас столкнулся с необъяснимой чертовщиной, его не отпускало.

Да и что случилось с Линкой? Почему она вдруг так переменилась, едва переступив порог?! То ведет себя, как девчонка легкого поведения, то вдруг превращается в недотрогу, которую и приобнять-то нельзя! Все это странно, очень странно... Мысленно Кира прокрутил в памяти те недолгие две-три минуты, что он провел в доме, и выявил еще несколько важных деталей: во-первых, девушка с трудом нашла выключатель. Или она не живет в доме постоянно, или... другое объяснение пока не находилось.

Во-вторых, что озадачивало сильнее всего — первую минуту девушка выглядела растерянной и напуганной. Но, когда в доме начала происходить чертовщина, она не испугалась, а наоборот, как будто успокоилась и сразу осмелела. Почему?

Зачем она его так поспешно выставила?

Почему в доме она стала его бояться?

Зачем она звала на помощь морскую свинью?

Что с ней не так? Что не так с ее домом? Не опасно ли оставлять ее там одну?

«А почему меня вообще это волнует?» — озадачился Кира, самому себе не решаясь признаться, что девушка его банально зацепила и заинтриговала так, что в ближайшие дни он вряд ли смог бы думать о чем-то другом. И не только «зацепила». А еще и понравилась, причем сильно. И вот так уходить ни с чем, не разобравшись в ситуации, с концами — совсем не хотелось. Но и стучаться в дверь, чтобы девчонка егопустила, тоже не хотелось. Не для того она его выставляла, чтобы через минуту назад запускать; она и так его боялась, а что будет, если он начнет ломиться к ней домой?..

Пугать ее не хотелось. А вот войти в доверие — да.

Очевидно, что встретиться с ней надо на нейтральной территории, и уже тогда ненавязчиво все выяснить.

Встала дилемма — что же делать дальше. Вот так просто взять и уехать? А почему бы и

нет? Девушка вела себя крайне неосмотрительно, во-первых, она попрощалась с барменом, назвав его по имени — следовательно, они или знакомы, или же девушка регулярно навещает в то заведение. Скорее всего, она просто работает неподалеку. С барменом определенно стоило пообщаться, выяснить, где она работает, возможно, раздобыть номер ее телефона. Дальше — как будто случайно столкнуться с ней после работы, или позвонить и пригласить куда-нибудь.

Идея показалась стоящей.

Во-вторых, девушка вот так просто привела его домой. Что может быть проще, чем записать адрес и пересерфить информацию по интернету? Если дом был в чем-то замечен, то Кира узнает об этом максимум через час.

Задумано — сделано. Парень сошел с крыльца и задрал голову. Свет горел везде, во всем доме, даже на чердаке. И когда бы девушка успела обежать все комнаты да еще и наверх подняться, и, главное, зачем? Непонятно. Озадачившись еще больше, Кира обошел кругом дом, осторожно перешагивая вездесущие кабачки и выискивая на стенах табличку с адресом. Не нашел. Зато заметил, что стены дома почернели не только от времени — судя по копоти, его неоднократно пытались поджечь, с разных сторон, в разное время. Что тоже вызывало вопросы. Один угол дома прогорел так, что осыпался, и здесь стену отстроили заново современным кирпичом. Кирпич относительно новый, не выгоревший на солнце, почти не потресканный. Следовательно, с момента пожара прошло не более пяти лет.

Казалось, что дом снаружи и дом внутри два совершенно разных здания. Слишком яркий контраст между уютным нутром и гнилой наружностью. Как будто изнутри за ним ухаживали, тщательно следили, ремонтировали, а снаружи — и так сойдет.

Больше ничего интересного не обнаружив, Кира вернулся к мотоциклу. Чтобы девушка не услышала рев мотора и не догадалась, что некоторое время за ней следили, он вручную откатил Яну до соседнего дома, где его поджидала небольшая удача — табличка с адресом, маячившая на воротах. Парень остановился и сфотографировал ее на телефон.

«Щ-щелк!» — слишком громко отозвалась камера; яркая вспышка света озарила пространство, ослепляя глаза.

— А ну вон пошел! — раздался гневный женский голос из-за забора. — Совсем уже оборзели!

— Что там, Маш?! — вклинился мужской прокуренный бас.

— Опять эта шалава хахалей навела!

Кира не стал дожидаться развития событий, запрыгнул на Яну, завел ее и быстро уехал.

В крошечной тьме вырываясь по путанным улочкам, он лихорадочно соображал. Ко всем прочим вопросам добавился еще один — почему соседка назвала Линку «шалавой»? Парень знал на своем опыте, что словам соседей доверять не стоит, его самого, например, за глаза называли геєм; но что если девчонка в самом деле, того?.. Да даже если она и правда раскрепощенная и часто водит в дом парней — то почему самое обычное, невинное объятие так напугало ее? Кто бы ни были «шалавы», так бы они себя уж точно бы не повели.

Непонятно. Нелогично. И почему-то тревожно.

Закрыв мотоцикл в гараже, погуляв с Громом, перекинувшись парой слов с родителями и натянуто улыбнувшись младшей сестре, сделавшей ему язвительное замечание по поводу «голубой прически», Кира уселся в своей комнате перед компьютером и защелкал мышкой. Сперва он заглянул в Дубль-гис и попытался найти дом новой знакомой на карте. Не нашел.

Объяснений явлению могло быть два: или дом построили абсолютно незаконно, или же его оформили как дачный домик, не ИЖС.

Гугль тоже ничем не порадовал. Согласно нему, за последние годы в Тимирязево вообще ничего интересного не происходило: никто никого не зарубил по пьяни, никаких громких ограблений, изнасилований, вот просто — ни-че-го. Пара упоминаний о пожарах, да одна крохотная заметка, сообщающая о погибшей в пожаре пожилой женщине, и все.

Кира не отчаивался. Он зашел в ВК и решил найти новую знакомую по имени. Но и тут его ждала засада, потому что он ничего о ней не знал. Ни возраста, ни места работы, ничегошеньки, а Ангелин более-менее подходящей возрастной категории в Томске оказалось двести тридцать восемь человек; часть из них без фотографий, часть — с ни о чем не говорящими аватарками. Да и не факт, что та самая Лина вообще была зарегистрирована в социальных сетях.

Просмотрев весь список до конца, с надеждой открывая очередную страничку и неизменно разочаровываясь, Кира понял, что единственная его надежда найти девушку в городе — это бармен из Кафетереуса. Часы показывали полночь, заведение уже закрылось, следовательно, поговорить с ним он сможет только завтра после работы.

А хотелось уже сейчас. Столько ждать — невыносимо.

«Да что со мной такое?..» — подумал он, выключая бесполезный компьютер. После разделся и лег спать. «Топ, топ, топ» — тут же подковылял грузный Гром и запрыгнул на кровать. Выплюнул на голый живот парня слюнявый грейфер, с грацией бегемота рухнул под бок и тут же засопел.

Лина пребывала в смятении.

Обычно дом так себя не вел.

— Не подлизывайся! — огрызнулась она, когда старый лоскутной коврик, ластясь, наподобие змеи оплел ее ногу.

Коврик соскользнул вниз и уполз на место.

Девушка прошла на кухню и села за стол. Древняя металлическая кружка проплыла по воздуху, подставилась под самовар, наполнилась кипятком и, шоркая по столу, подъехала к Лине. Пар ударил в нос, она автоматически вытащила из коробки чайный пакетик и окунула его в воду, задумчиво бултыхая им вверх-вниз.

Дом так себя никогда не вел.

Когда она приводила оболочки, он всячески способствовал и раньше времени себя не проявлял. Подготавливал ванну, дрожал в предвкушении, вселялся быстро — так, что жертвы только в последний момент догадывались, что что-то идет не так.

При подруге или при других гостях дом вообще никогда себя не проявлял. Замирал, затихал, и ничем не отличался от обычных домов. Правда, по привычке девушка могла обратиться к нему вслух и, чтобы редкие гости и подруга ничего неладного не заподозрили, сообразительная Лина завела морскую свинку и назвала ее Солнцем. Проблема показаться сумасшедшей при посторонних отпала.

Правда, подруга всегда с сомнением качала головой и говорила, что у Лины крыша едет, вон, уже и со свиньями от одиночества разговоры ведет, и всегда добавляла, что мужика бы ей завести. Нормального.

Но вот так открыто нападать на приведенное тело — такого раньше не бывало. Что-то пошло не так. Он же мог его убить запросто! В подполе грудой лежали доски, какие-то железки, да и высота приличная — упади, и в лучшем случае отделаешься парой переломов, в худшем... об этом и думать не хотелось. Лина недолго любила тела, но это не значило, что она хотела их калечить.

— А ну поставь на место! — рявкнула девушка, когда заметила, что стул с ней вместе приподнялся над полом и завис в воздухе.

С тихим стуком он плавно опустился.

— Такую тушку из-за тебя упустила! — горестно вздохнула она.

Дом отозвался виноватым перезвоном хрусталя в серванте.

Лина все пыталась понять, ну что, что могло пойти не так? За все годы осечек не бывало, ни разу. Раз в две недели она стабильно приводила тело, можно сказать, по графику, иногда чуть позже, но чуть раньше — никогда, и все шло хорошо, а что, если...

«Ну конечно!» — внезапно до нее дошло.

А что, если дом физически не может вселяться в тела часто? Она никогда над этим не задумывалась. Ведь действительно, наверняка его все эти вселения-выселения выматывают и выжимают, и два дня подряд заставлять Солнышко работать на благо нее — кошунство. Поэтому он и решил напугать очередное тело и выставить его прочь. И как знать, возможно, если бы он этого не сделал, Кира бы распустил руки, а она со своими габаритами и поделаться бы ничего не смогла.

Ну конечно. Дом просто о ней заботится!

Ну не мог же он сознательно, ни с того, ни с сего, причинить вред телу? Он просто хотел его напугать. Чтобы тот ушел. Все логично!

Но, хотя Лина и придумала красивое и благородное, правда, не очень правдоподобное оправдание поведению дома, веселее ей не стало. Даже как-то и наоборот, настроение совсем упало. Уныло она побрела в спальню, слушая, как кружка моется под краном; присела на кровать, взяла крючок и нитки.

Вязать что-то не хотелось.

Достала ноутбук, зашла на сайт знакомств. Читать, что ей там написали, совсем, ни капли не хотелось.

— Не лезь ко мне! — вяло отмахнулась от пледа, обволакивающего плечи. Безжизненный, он сполз по телу на кровать.

Лина закрыла ноутбук, бесцельно побродила по коридору. Неясно, почему, но горькая обида грызла изнутри. Давно же ей никто не нравился настолько, чтобы вот прямо «ах!», но он ушел, с концами, наверное, решив, что девушка не очень дружит с головой; и ни номера телефона, ни другой зацепки — ничего он не оставил. И где же его искать, чтобы завершить начатый процесс?.. В немалом городе, да просто бесполезно.

А эти косички, болотные глаза, приятное на ощупь тело — стояли перед глазами до сих пор. И как теперь переключиться на другого, пока тот так прочно в голове застрял?.. Всего лишь тело. Но какое!

«Это нечестно!» — совсем раскисла девушка. Разделась, легла на кровать. Свет в доме приглушился, окно скрипнуло на кухне, запуская свежий воздух. Лина уставилась на потолок, надела гарнитуру, полежала. Сон не шел. Внезапно вспомнила о чем-то, вскочила, побежала в прихожую, схватила рюкзак и достала из бокового кармашка нож. Бобик. Погладила шершавую темно-коричневую ручку. Откинула лезвие. Вернулась в спальню,

легла на кровать, свернулась под одеялом, прижимая к груди стальную игрушку.

Песня одна заела. Bosson, "One In A Million". Та самая, что пела в ушах пару часов назад, когда там, в кафе, Кира подошел к ней знакомиться. Лина поставила ее на повтор, закрыла глаза и незаметно уснула.

В наушниках девушка не слышала, как гневно трещал шифер на крыше. Всю ночь.

Глава 7. Найти и обезвредить

Глава 7. Найти и обезвредить

На следующий день на рабочем месте Кира изнывал от нетерпения, дожидаясь вечера, и назойливых клиентов слушал в пол уха. То и дело поглядывал на экран телефона — время текло слишком медленно. По кругу крутил одну и ту же песню и литрами пил кофе.

Едва дождавшись конца трудового дня, Кира первым выскочил из салона, сел на мотоцикл, поехал на Ленина, припарковался через дорогу от вчерашнего кафе, перебежал на зеленый свет и вошел в заведение. Ему необычайно повезло, лица за стойкой были те же самые, что и вчера. Два молодых парня, и который из них Алексей, Кира не знал, но сдаваться не входило в его планы.

Он привык добиваться желаемого. Парень одернул футболку, расправил плечи и уверенным шагом подошел к стойке.

— Добрый вечер, — вежливо поздоровался он, облокачиваясь на столешницу.

— Добрый. Уже определились? — ослепительно улыбнулись ему в ответ.

Вот что-что, а обходительность местного персонала была все рекорды.

— Мне нужно поговорить с Алексеем.

— Это я, — отвлекся от кофе-машины второй парень. Худой, темный и с бородкой.

— Я... — Кира немного растерялся, но быстро взял себя в руки. — Я хотел узнать. По поводу девушки. Она вчера здесь была. В толстовке «Джек Дениэлс», в капюшоне. Вы знакомы.

— С которой вы вчера ушли? Знаю такую. И?

— Она... я... хр-р-р... — Кира сдвинул ладонями виски. Вот как так просто сказать незнакомому человеку, что девчонка ему сильно понравилась? Как-то это несерьезно, что ли. А придумать другую легенду, более значимую, он не догадался.

— Ага. Понятно. Да нет, мы не то, чтобы знакомы. Она заходит сюда три-четыре раза в неделю, всегда одна, заказывает одно и то же и садится в одном и том же месте. Сидит минут двадцать и уходит. Не особо разговорчивая. Ничем, наверное, помочь не смогу. Хотя нет, смогу. Пару раз из окна видел, как она выходит из торгового центра. И оттуда идет к нам. Возможно, скорее всего, там она и работает.

— Торговый центр? ЦУМ? — переспросил Кира, чувствуя, как внутри все холодеет. Проще иголку найти в стоге сена, чем нужного человека — в огромном ЦУМе.

— Нет, — бармен усмехнулся, но по-доброму. — Через дорогу от нас. Прямо напротив.

— Вот как. Спасибо!

— Да не за что. Кстати. Классные вчера были косички!

Кира смутился, еще раз попрощался со славными ребятами, и, окрыленный, отправился на пешеходный переход.

Через дорогу стоял дом из красного кирпича. Один из памятников архитектуры, коих на центральных улицах Томска было множество. На первом этаже раскинулся торговый центр, состоящий из нескольких небольших отделов. На стеклянных тонированных дверях на табличке значился режим работы — с десяти утра до семи вечера. Кира бросил взгляд на экран телефона. Начало седьмого.

Сердце ускоренно застучало. Скоро она выйдет.

Как она отреагирует, его заметив?

Может, зря это все и проще развернуться и пойти домой?

Зачем все это вообще?

«Уж нет!» — отбросил Кира все сомнения, уверенно толкнул двери и вошел вовнутрь. Пробежался глазами по вывескам, и сразу сообразил, где именно стоит искать новую знакомую. Пушистая нитка на рукаве — раз, целая куча разномастных клубков, спиц и прочей фурнитуры на трюмо в доме — два. Магазин «Пряжа и вышивка», гласила одна из вывесок, а под ней красовалась жирная красная стрелка, любезно указывающая направление, и парень, спрятав лицо под капюшоном, дошел до нужного отдела.

Так и оказалось. Там была она. Такая радость вдруг захлестнула Киру. Мир заиграл яркими красками — но только вокруг нее, по бокам он наоборот, словно померк и посерел. Как зачарованный, уставился парень в отдел, где Лина, в сногшибательной футболке с изображенной вскрытой грудной клеткой, с двумя косичками на голове, в потертых синих джинсах и с гарнитурой, свисающей на маленькую грудь, что-то объясняла женщине-покупательнице. Эмоционально, жестикулируя. Вскоре они достали из витрины журнал и девушка, тыча в него пальцем, взяла крючок, нитки и принялась на примере что-то объяснять клиентке; та кивала и что-то спрашивала. Лина раздосадованно морщилась, закатывала глаза к потолку и всячески давала женщине понять, что та ее достала, но вопросы со стороны покупательницы не прекращались. Даже издали был слышен ее противный скрипучий голос с требовательной интонацией. Парень прекрасно понимал состояние девушки. У него тоже бывали такие клиенты, которые хотели то, не знаю что, и побыстрее, и желательно задаром, и чтобы тату с глубоким смыслом и чтобы набивать не больно. Да он и сам начал раздражаться, глядя на прилипчивую женщину, и мысленно сочувствовать прекрасной Ангелине.

С трудом отведя от нее глаза, Кира заметил ноутбук девушки. Он стоял чуть позади и на экране угадывался розово-белый дизайн местного сайта знакомств. Что обрадовало Киру — раз она сидит на такого рода сайтах, значит, парня у нее нет.

Отлично!

Дальнейший осмотр отдела выявил книгу на витрине. На обложке — репродукция картины «Спортсмены» Малевича. У него тоже такая лежала в книжном шкафу — Олдос Хаксли, «О дивный новый мир». Что тоже его порадовало. Как минимум, вкусы у них в чем-то совпадают.

Больше ничего интересного обнаружить не удалось. Зато Кира сообразил, что уже несколько минут стоит на одном месте, мешая прочим посетителям пройти, и, как истукан, смотрит в одну точку, не переставая улыбаться. Чтобы девушка не заметила его, он развернулся и быстро вышел.

До закрытия центра оставалось минут двадцать. Вот так просто подойти и завязать непринужденную беседу Кире показалось не очень уместным, и, благо времени в запасе еще имелось, он решил купить девушке какой-нибудь подарок. Чтобы и ее расположить к себе, и самому не изнывать у порога, отсчитывая минуты и нервничая. И теперь перед ним встала дилемма — а что ей купить? Цветы? Слишком банально. Линка с букетом вообще никак не ассоциировалась, зато воображение с легкостью рисовало, как она презрительно хмыкает и отправляет веник в мусорное ведро. Побрякушку? У нее даже уши не проколоты, да и слишком это навязчиво и неоднозначно для почти первого презента.

И нож не подойдет — уже дарил. Спонтанно, правда. То не в счет.

Нужно что-то такое. Обыденное, но приятное.

Глаза уставились на фруктово-овощной ларек. В голове щелкнуло. И уже через пятнадцать минут довольный Кира, волнуясь, как вчерашний школьник, целенаправленно вышагивал по опустевшему торговому центру к точке назначения, прижимая перетянутый ленточкой подарок к груди.

«Заколебали! Чего им дома не сидится?» — проворчала Лина, когда очередная пенсионерка, заглянувшая в отдел, вынесла ее мозги глупыми вопросами. Мохер ей подавайте. Все предложенные варианты она отмела, мотивируя отказ тем, что это — ангора, а ей нужен — мохер. Доводы о том, что вот эта вот ангора — не из кролика, а из козы, что есть тот самый чертовый мохер, не срабатывали. Возмущенная покупательница ушла, Лине захотелось испепелять мир лучами ненависти.

Хвала богам, рабочий день подошел к концу. Лина расставила моточки по местам и стала собираться. Быстро подвела итог и записала цифры в тетрадку, отсчитала дневную зарплату и положила деньги в кошелек. Свернула шнур от ноутбука, положила в рюкзак. Выключила сам ноутбук...

— А булавки у вас есть? — отвлек ее мужской голос.

«Да провалиться мне на месте!» — мысленно зашипела она. Покупатели мужского пола раздражали ее. Покупатели, приходящие перед самым закрытием, раздражали ее сильнее прочих. А покупатели мужского пола, приходящие на закрытии — приводили в бешенство.

Да она специально выбирала такую работу, чтобы, в идеале, в коллективе не было парней. И чтобы среди клиентов их тоже не было. Ну, и чтобы до работы добираться без пересадок и чтобы слишком не напрягаться. График два через два дня и ежедневная зарплата ее более чем устраивали.

— Нет у нас булавок, — резко ответила Лина, продолжая собирать вещи в рюкзак, хотя булавки всевозможных видов красовались на витрине.

— Совсем никаких?

— Совсем, — изволила она таки поднять голову на непонятливого типа.

Подняла и обомлела. Косичек у него сегодня не было, волосы собраны петлей на затылке, и во все стороны торчали угловатые пучки кончиков волос. Смеющиеся глаза смотрели на нее, а на губах играла очаровательная улыбка. Одежда не вчерашняя, непрозрачная футболка с капюшоном черного цвета с оскалом волка — у Лины в шкафу лежала похожая; льняные просторные брюки, очерчивающие мускулистые ноги и сияющие белизной кроссовки.

«У него глаза — два бриллианта, три карата! Локоны его...» — издеваясь, пело местное радио. Правда, пело оно немного по-другому, но слова перевирались сами по себе.

— Кира?! — выдохнула она.

— Привет. Это тебе, — сказал он и протянул ей ананас, перетянутый зеленой лентой.

На автомате Лина приняла подарок и, чувствуя себя дурой, застыла с ним в руках. Нет, она любила ананасы, только ей почему-то ни разу их не дарили; кроме единственной подруги ей вообще никто и ничего никогда не дарил. Бутылки вина ужасного качества, что иногда привозили с собой тела, в счет не шли. Их дома скопилась целая батарея, Лина предпочитала напитки получше и покрепче. Да и не подарок ее из колеи выбил. Тысячи мыслей хаотично закружились в голове — он нашел ее и пришел, сам, черт знает как, но нашел же, что радовало; но зачем?!

— Какие планы на вечер? — продолжал добивать ее настойчивый парень.

— Э-э-э... — замычала она, лихорадочно продумывая, как бы так сделать, чтобы и тушку не вспугнуть, и сухой из воды выйти. Она же так сама хотела найти его, хоть как-нибудь! Ну не проводить же вечер с живой говорящей особью другого пола, без Солнца внутри, в самом-то деле, но и упускать его нельзя, по крайней мере, до следующих выходных, а там он и сам сбежит так, что только пятки засверкают — но ей уже все равно будет.

— Может, прогуляемся? Сходим куда-нибудь?

— Э-э-э...

«А почему бы и нет?» — робко предложила она сама себе. Ведь если сейчас ему отказать, он может развернуться и уйти. Теперь уж точно с концами. Перетерпеть один вечер, ну мелочи же! Да и потом, вроде бы вчера она отлично справилась, превосходно общалась и ничем не выдала неприязни. Наверное. Иначе бы он не пришел, по-логике.

Пол часа прогулки погоды не сделают; за это время можно вытянуть из него номер телефона и со спокойной совестью дожидаться следующих выходных, когда Солнце сможет беспрепятственно вселиться в славную тушку. Глупо упускать удачу, когда она сама в руки идет!

— Так как?

— Ладно. Только недолго, — сдалась она.

Глава 8. Когда понравилось то, что обычно не нравится

Глава 8. Когда понравилось то, что обычно не нравится

— Куда пойдем? — снаружи спросил Кира.

Расслабиться никак не получалось, и девушка почти жалела, что не отправила красавчика куда-нибудь подальше, однако, номер телефона все-же сохранив. На будущее. «Куда идти?» — уж точно не в кафе. Сидеть, вдвоем, друг против друга, слова вслух связно говорить, так слишком напряженно. И определенно, никакого алкоголя. Если Лина и пила, то сразу много, и зачастую теряла контроль над собой. Не сильно, но рисковать ей не хотелось. Кто знает, что у красавца в голове, какие планы. По габаритам он больше ее минимум в два раза, захочет, скрутит одной рукой.

— Давай прогуляемся. По набережной, — откликнулась она. Там просто было многолюдно.

— Ну, хорошо.

Бок о бок они дружно обогнули торговый центр и прогулочным шагом отправились к искрящейся на солнце реке. Вдали неспешно плыла баржа. Огромная. По ней сновали человечки. Маленькие, как муравьи. И по набережной ходили люди. Обычного размера. С центральных улиц доносился гул проезжающих машин, прохожие общались вслух, ребенок где-то плакал. Шумно. Лина к такому не привыкла. Она пряталась в наушники сразу же, как выходила — не важно, из дома ли, с работы. Но доставать гарнитуру сейчас ей показалось немного не приличным.

— Как твое дело? — подал голос Кира.

Лина чуть дрогнула: вот так идти, да не одной, и не с подругой, а с незнамо кем — так слишком непривычно.

— Какое дело?

— Из-за которого ты меня вчера выставила.

— Ах, это... Оно отлично.

Девушка скосила взгляд на парня. Ну вот о чем с ним можно говорить?

Какой красивый пирсинг в ухе...

Зачем она пошла?

А эти руки... черт возьми!..

Не поздно ли вернуться?

Хорошо, что хоть футболку непрозрачную надел. Хотя нет, плохо...

Нет, хорошо, точнее, плохо.

«Так, так, так, спокойно. Линок, держи себя в руках. Представь, что он — твоя подруга. Большая габаритная подруга без груди», — прочла она самовнушение. Что ей не очень помогло.

— Как ты меня нашла... нашел?

— Мне бармен дал наводку.

— Ага. Понятно, — нахмурилась. Всегда ведь знала, что им не стоит доверять!

— Ты хочешь есть? Ты же с работы.

Вопрос поставил девушку в тупик.

— Нет, — ответила, сильно сомневаясь.

— Ну хоть мороженое?

— Ну, ладно, — сглотнула обильную слюну. Потому что есть она хотела очень; но не хотела, чтобы ей что-то покупал он. Все это сильно, сильно напрягало. Она-то знала, что чем больше денег вкладывают они, тем большей требуют отдачи, а ей все это ни к чему, и без того не сладко.

— Давай зайдем туда, — махнул рукой на магазинчик.

— Иди один. Снаружи подожду.

— Что тебе взять?

— Что хочешь.

— Понял. Ты только это... не уходи, — сказал, и, как вчера, соорил забавную мину: глаза прищурил, головой из стороны в сторону повел. Концы волос закачались — верх, вниз, верх, вниз.

— Ахах, не бойся. Я просто не хочу туда идти. Там шумно, люди.

— Да я и не подумал... — смешно нахмурился, и стало явно — подумал, без сомнений.

— Давай, иди, — и почему-то улыбнулась.

Кира смутился, захлопнул рот и быстрым шагом дошел до магазина; Лина проводила его взглядом, пока он не исчез в дверях, достала пачку, сигарету, щелкнула зажигалкой и затянулась.

Так странно. Вроде бы, ничего не произошло, а настроение вдруг взлетело. Она шагнула к урне, и курила, и неотрывно смотрела на обшарпанные двери магазина, ожидая, когда же появится он. А интересно, концы его волос так сами слиплись или же с помощью средств? Гель, пена — Лина не очень разбиралась, но ей понравилось безумно. Ему так шло! Хотя вчерашние косички смотрелись лучше.

К лицу приклеилась улыбка. И шум вокруг тоже сменился. Вроде бы, точно такой же, но уже вовсе не напряжный. Напротив, Лина уловила чей-то смех, и не в одном месте, а там, и здесь, и за спиной; у реки дети восторженно кричали, и свежий ветер дул в лицо. И где-то вдалеке играл оркестр. У Чехова, наверно. Там раньше студенты выступали, наверно, и до сих пор приходят. Лина давно здесь не была, а когда мимо проходила, то ничего не замечала.

Кирилл наконец-то вышел. Не сразу ее заметил, растерялся, повертел шеей... увидел, улыбнулся, подошел.

— Ты куришь? — немного удивился.

— О-ох, только не надо... — вздохнула Лина. Она и позабыла, что живым парням много чего надо. Вот, например...

— Да нет же. Угости меня, — сбил поток мыслей парень.

— А? Ах да. Держи, — достала сигарету, прикурила.

Он затянулся, чуть прищурив глаза — от удовольствия, наверно.

— Давно ты как бы бросил?

— Дня три назад. По мне заметно? — и улыбнулся. Опять. Улыбнулся. Ну чего он постоянно улыбается? Да так красиво?

— На вот, возьми, — и протянул рожок. Осторожно, чтобы не прикоснуться к его пальцам, Лина взяла мороженку и тут же лизнула.

— Ой, сырный? Как я люблю...

— Ты просто выглядишь голодной. А он сытный и большой. Может, присядем?

— Давай... — обескураженно сказала.

И даже когда он за локоть подхватил, не сопротивлялась. Как во сне, дошла до лавочки, присела. Задумчиво осмотрела плечи — на них как будто накинута кто-то плед. Легкий и очень... теплый. Подняла глаза на Киру. Он тоже на нее смотрел, в упор.

Болотные глаза, в зрачках — чертинки.

«Да что со мной?» — и заморгала быстро-быстро, отвернулась. Затянулась, бросила бычок в урну. Рожок сжимала так, что вафля затрещала. Рука тряслась. Сбежать хотелось.

— А расскажи мне о себе, — продолжил он. И Лина непроизвольно улыбнулась — забавно было наблюдать, как он мучительно пытается наладить с ней контакт.

— Да что я. Так. Можно сказать, пролка, — пожала девушка плечами.

— Да, но. За пролами — будущее. Ведь так?

— Наверно. Я не знаю... — земля качнулась под ногами. — Красиво как здесь...

— Ты же тут мимо каждый день проходишь.

— Да, но... откуда эта клумба?

— С весны. С тобой все хорошо?

— А? Что? Чудесно, — отрешенно ответила она, во все глаза глядя на поляну тюльпанов. Красные, желтые, ослепительно-розовые. Слишком яркие. Они не могли здесь быть с весны, такие цветочные пятна не заметить невозможно!

— А дома, тоже все хорошо?

— Дома? — очнулась от мыслей. — Все прекрасно. А что?

— Да нет. Просто...

— Ах, вспомнила. Это машина была, честно. А картина давно упасть хотела. Крепеж там расшатался. Я не хочу об этом говорить. Пойдем до Чехова? — быстро сменила тему.

— Идем.

«На кой мне сдался этот Чехов?..» — сама себя спросила, и отвечать не стала. Потому что признаться не хотела, что просто хочет с ним идти, опять под локоть. Потому что приятно чувствовать его руку поверх своей — от прикосновения бежали мелкие разряды.

«Беги домой!» — ругался в мыслях кто-то.

«Заткнись» — ответила ему. Тот «кто-то» сдулся и растаял.

— А почему ты без косичек? — с силой локоть сжала.

— Ну как сказать... Вчерашних комментариев хватило, — медленно выпрямил руку, увлекая ее руку за собой. Переплел пальцы. Сжал.

Лина сглотнула.

— Сильно достали?

— Угу.

— Ну это же логично. Зачем ты их вообще заплел?

— Так, просто. Захотелось... — замедлил ход. — Ты рада меня видеть?

— А ты — меня? — совсем остановилась.

Два взгляда встретились. На миг Лине показалось, что все померкло — кроме них двоих. И звуки стихли. Кроме журчания реки да оркестровой музыки, протяжного гудка парома...

— Я тебя да. Зачем-то же искал, — он невозможно мило улыбнулся. — Но думал, ты меня пошлешь.

— Ахах, зачем?

— Не знаю.

«Не продолжай. Ты заигралась», — вновь в мыслях забубнили.

— Я тоже рада. Так... неожиданно. Идем, — смутившись, опустила взгляд. Ускорила шаги. Всмотрелась вдаль. Красиво — солнце заливало искрящийся асфальт, драм-театр возвышался ввысь. И клумбы. Много.

«Всегда так было», — напредила себе.

— Что там играют? — оркестр слышался все громче.

— Не знаю. Я в музыке не очень. Особенно в такой.

— А что ты любишь?

— Ну, рок. Кукрыниксы, Цой.

— Ух ты. Я тоже. Я все почти люблю.

— Я, если честно, тоже. Сегодня Рыбака весь день гонял.

— Ахах, что, правда?

— Да.

«Домой. Домой. Иди домой!»

— Ох, кстати, — сообразила Лина. — Дай номер свой!

— Записывай, — продиктовал. Девушка записала. — И сделай мне дозвон.

Ненужный Чехов с ярким носом встал перед лицом. Они на него и не взглянули. А рядом с ним, раскинувшись на бортике тротуара, стояли трое музыкантов, задорно скрипка заливалась, зеваки кучкой собрались. Две пары, ни капли не стесняясь, кружились в танце в стороне. Так неуместно все — как будто кусок другого мира. Где девушка и Кира, с рюкзаками за спинами и в схожих футболках, не вписывались совсем.

— Похоже на вальс, — задумчиво сказала Лина. Вздохнула — кончился рожок.

— Вальс? Хм, — выпустил ее руку, отошел на шаг назад. — Девушка. Разрешите? — и он галантно протянул ладонь, чуть голову склонив.

«Беги, беги!» — раздался чей-то отголосок; но Лина, растянув рот до ушей, протянула в ответ руку.

Он подтянул ее к себе, ладонь легла на поясницу. Уверенно, с нажимом. Пальцы переплелись, отвелись руки в сторону, осанка прямо — и вот они стояли, как партнеры в танце. Застыли в одной позе, смотря друг на друга. Кира был выше; девушке пришлось поднять глаза. И щуриться, от солнца. И прижиматься к телу, произвольно; задрожала скрипка, а вместе с ней и девушка сама. Кира наклонился к уху и прошептал:

— Я не умею вальс.

— Я тоже, — чуть слышно ответила она.

— Зачем ты согласилась-то тогда?!.. — чуть не смеясь, прижал ее к себе, а после резко подхватил и приподнял.

— Ой, что ты делаешь, поставь! — смеясь, вцепилась в его шею.

«Все слишком далеко зашло!!!» — затрубил в мыслях кто-то.

«Да Христа ради, сгинь уже!» — шипя, расширила глаза. Его глаза, так... слишком близко. Морщинки, их можно было сосчитать; рот, изогнутый в улыбке. И родинка. На подбородке. Как черная звезда на белом небе.

— Как скажешь, — поставил на ноги ее. Но отпускать не торопился — все так же сильно прижимал. Лина оцепенела; он пальцем перекинул правую косичку за плечо, провел ладонью по щеке...

Она сглотнула, паникуя.

Он наклонился ниже.

Еще чуть-чуть. Так, что горячее дыхание волнами обдало лицо; она зажмурилась и

сильно сжалась.

— Да что с тобой не так? — залился тихий шепот в ухо.

«Беги домой! Нельзя! Он просто тело, обычный и «такой»! — забился здравый смысл.

Поцеловал. Пока всего лишь в шею. «Ба-бах, ба-бах!» — заухало в груди. Глаза так округлились, что стали больше раза в два, вцепились в его спину пальцы. Как неживая Лина замерла, боясь пошевелиться. А он к щекам губами прикоснулся; дыхание сбилось, пот потек.

«Все. Доигралась!» — язвительно раздалось в голове. Она вдохнула, выдохнула, прижала к телу локти, голову чуть приподняла. «Всего разочек. Один раз», — утешила себя. Рука его обхватила талию, другая по щеке прошлась; пальцами очертил ухо, затылок ладонью обхватил. Склонился к ней. Мягкие губы осторожно приблизились и прикоснулись к ее губам. Лизнул легонько, потом поцеловал нормально. Совсем чуть-чуть и очень быстро; Лина съежилась вся, по привычке ожидая, что будет все так, как и всегда — ей неприятно было целоваться; но здесь, сегодня и сейчас, случилось что-то. Понравилось. И даже очень. Вот только... мало?

«Что же я делаю?» — открыла удивленные глаза и языком по нёбу поводила. Обычно было ей противно. Но все пошло не так. Он оказался очень вкусным. С ментоловым оттенком. От сигарет ее, наверно.

Еще. Еще, еще, еще!

Лина сама на цыпочки привстала и впилась в его губы. Так, как голодный, дикий зверь. Пальцами нырнула в волосы Киры, стянула их к затылку; и целовала, долго, нежно. Забылась полностью, совсем. Ступни заныли, она их слишком изогнула; а за спиной словно крылья отросли. Вокруг померкло все, в вихре закружилось, она как будто бы взлетела. Все выше, выше, и тело млело, и невесомость спряталась внутри. Кира обнял ее сильнее, зачем-то что-то прошептал; глаза открылись, в груди больно защемило, исчезли крылья — резко упала вниз. Вернулась в реальность, испугалась.

Подалась назад. С футболки Киры смотрел волк — злой и агрессивный. С оскалом. С острыми зубами. Обычная набережная кругом. Серая и никакая. И музыкант отчаянно фальшивил.

— Пора домой, — быстро сказала. Развернулась и бодро пошла прочь.

Глава 9. — Сними. — Сейчас. (Про секс с живыми настоящими людьми)

Глава 9. — Сними. — Сейчас. (Про секс с живыми настоящими людьми)

— Лин! Погоди! — Кира догнал ее, схватил за руку. — Куда ты так бежишь? Я что-то не так сделал? Или что?

— Да нет, просто... пора домой, — насупилась она.

— Давай я отвезу, — стиснул плечо сильнее. Лина свела брови и красноречиво посмотрела на его руку — парень ослабил хватку.

— Я на маршрутку успеваю.

— Лина, да что не так? Я сильно напирал? Или что?

Девушка вздохнула, замедлив ход. Вот как ему сказать, что тут не так, когда не так вообще все? Что в принципе ее быть здесь не должно, что она трахается с домом, что Кира для нее — очередная жертва, которую уже совсем не хочется тащить домой, потому что случилась страшная штука: ей расхотелось. Нет, не так. Она по-прежнему хотела его тело, но вот засада, хотела тело вместе с ним. Без Солнца. Что пугало. Потому что это ни к чему бы не привело, а только расстроило бы сильнее. Кира — обычный человек, из плоти-крови, нельзя с такими связываться, потому что итог всегда один. Это сейчас он весь хороший, а день, два, три, и всё, хорошесть кончится, начнется то, что и обычно. Претензии, упреки, падение розовых очков; да и в чем смысл? Нет смысла, цели нет, желания менять жизнь — тоже. Одна жалкая влюбленность, случайная и нелепая. Такая быстро спадет на нет, неделя-две, и он забудется. Раз десять Лина пожалела, что с ним пошла. Теперь внутри нее велась нешуточная борьба. Здравомыслящая часть кричала, что надо срочно убегать, а другая крадчиво шептала: «Расслабься ты. Все хорошо!»

— Лина, ты пугаешь. У тебя точно все нормально? — обеспокоенно спросил. И не фальшивил. Наверное, он правда волновался.

«Он просто довезет меня до дома», — утешила себя.

— Ну, ладно. Отвези. Я покажу дорогу.

— Да я же помню адрес.

— Да? — ну очень сильно удивилась.

— Да что с тобой не так? Я должен был его забыть?

— Ахах, — отмахнулась Лина. Не объяснять же Кире, что у всех жертв память частично пропадала, и забывалось не только то, что происходило в доме, но и день до, и примерно с суток после?..

Молча дошли до мотоцикла. Кира хмурился. Наверное, сердился. Но руку девушки не выпускал, напротив, так сильно держал, как будто отпустить боялся — вдруг убежит? Что Лину злило. Злило не то, что он ее держал, а то, что обращался с ней не как с кусочком мяса секса, а как с нормальным человеком. Которого страшно отпустить.

— Шлем же не надо?

— Нет.

— Садись.

Сегодня села отстраненно, почти не прикасаясь к Кире. Откинулась назад, вцепилась в сиденье. Боялась, что, если к нему прислонится, то снова потеряет весь контроль, чего ей

очень не хотелось. Он как-то горестно вздохнул, завел мотор, тронулся с места.

До Тимирязево все шло хорошо. Дорога ровная, ветер в лицо, вот только кончики его волос лицо иногда щекотали, а глаза Лины ничего вокруг не замечали, кроме спины, локтей и загорелой шеи впереди. Но с поворотом на проселочную дорогу пошли ухабы, и девушка, конечно же, чтоб не упасть — как утешала она себя, вцепилась в Киру. Сначала в бока, а после подвинулась вплотную и прижалась целиком. Просунула руки под его подмышки и крепко обняла за грудь. Забылась, подбородком легла на плечо парня, глаза прикрыла. Нос повернула к шее, уткнулась в кожу.

Запах. Приятный...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Да что ж так хорошо?!

— Здесь тормози, — махнула в лес.

— Еще же рано.

— Пройтись хочу.

— Ну, ладно.

Кира сбавил скорость, въехал в лес, лавируя по хилой тропке между лысыми стволами. Все глубже, глубже, трасса вдаль утихла. В лесу темнело — садилось солнце.

— Да хватит, стой! Куда ты едешь? — прекрасно понимая, к чему клонится дело, вяло опомнилась девушка.

— Да-да, уже... — свернул с тропы, остановился. Руки отвел назад, обхватил Лину, бока погладил.

— Давай я угадаю. Ты съехал с трассы, заехал в лес. Поглубже. Вокруг нет ни души. А ты хитер, — ни капли не боясь, сказала Лина. Повернула голову, схватила губами мочку уха. Сдавила.

— А-ай, так щекотно... Ну как, не страшно? Ножи не будешь доставать? — завалил мотоцикл набок, прислонил к сосне. Подал ей руку, помог слезть. Обнял, на поясице скрестил пальцы. Надежная тюрьма, не выбраться — но девушка и не хотела. Наоборот. Сама прижалась. Руки на плечи положила.

— Совсем немного, — смотря ему в глаза, непроизвольно улыбнулась.

Ну как тут удержаться? Вокруг деревья, тишина. Над головой кричали птицы, лиловые лучи пробивались сквозь плотную листву. Ковер шуршащий под ногами, пушистый слой хвои и грибной запах. Напротив он, лицом к лицу... ну, человек. Но ведь один разок-то — можно?

«Нельзя!» — зануда в мыслях забубнил.

— Ты прелесть, — поцеловал ее Кира.

Зануда хмыкнул и исчез.

Дыхание Лины участилось. Пульс отдавался во всем теле. Ее руки заскользили — по бедрам, ныряя под футболку, и выше, к груди, тактильно ощущая его кожу. Горячую и гладкую. Пальцы добрались до сосков — и памяти встал вчерашний день. Полупрозрачная футболка, яркий контраст и ореолы.

— Сними.

— Сейчас.

Футболка под ноги улетела. Расширились зрачки — вот оно, тело. Не тело, Кира, целиком. Все мысли переполошились. А парень раздевал ее — подхватил футболку со спины, потянул вверх, Лину к себе плотно прижимая. Сперва живот, потом и грудь — вся Лина прислонилась к Кире. Одежда приземлилась в листья, по телу разошелся жар.

— Я съем тебя, — обвел ухо языком.

«Да ради бога!» — дрожа, потянулась к нему губами. И вскрикнула — он на руки ее поднял. Вцепилась в шею, рассмеялась. Парень присел, усаживая Лину на колени, расправил футболки, переложил ее на землю. Она совсем не сопротивлялась, смотрела только, тяжело дыша.

Он весь дрожал. В его глазах читалась жажда. От шеи через грудь все тело девушки пальцем очертил. Уверенно, с нажимом. Всего лишь пальцем, но грудь с сосками встала колом, желание затмило все вокруг, и... Лина испугалась. Поджилки мелко затряслись, а сердце сжалось.

— А-а-ах, мне страшно!.. — почему-то всхлипнула она.

— Ты девочка? — спросил, целуя девушку в пупок. Живот напрягся.

— Нет, я... просто... презервативы!.. — сказала первое пришедшее на ум, хотя суть крылась далеко не в них.

— У меня есть, — привстал, дотянулся до кофра. Знакомый шорох прозвучал. — Не бойся. Или ты не хочешь?.. — склонился над ухом и прикусил за мочку. Лина схватила парня за плечо, намереваясь оттолкнуть, но тут же опустила руку.

Назад уже нельзя. Все, доигралась. Тело горело. Даже без долгой прелюдии — оно горело. Отзывалось на ласки Киры само, без участия разума, и кажется, в бикини вымокло все насквозь. И давно.

— Нет, я... но если я скажу — ты сразу слезешь. Вот, прямо сразу. Хорошо? — спросила, чувствуя, как по щеке течет горячая слеза.

Зачем она? Откуда? Но невнятная горечь захлестнула, и за первой потекла еще одна.

— Да что с тобой такое? — он языком слизал слезинку. — Если не хочешь, так и скажи. Я же не зверь.

— Да нет же, просто...

«Отвыкла я» — договорила мысленно, и робко, несмело, но обняла его в ответ. Отвыкла, именно, отвыкла. Забыла, как это — отвечать на ласки, не только расслабляться, но и самой давать в ответ. Ладони съехали до уровня ремня, опустились ниже. Выскользнули, расстегнули прохладную пряжку. Раздался тихий лязг метелла.

— Сними, — опустила руки.

— Сейчас.

Он завозился. Быстро моргая, Лина смотрела вверх. Сквозь ветви горели звезды, едва заметные, но все же. Птичка вспорхнула и улетела, кедровые хвоинки покалывали бок. Возня затихла, и к животу прикоснулись ладони. Погладили, сместились вниз, к ширинке. «Вжик!» — молния слишком громко разошлась. Она привстала, помогая Кире раздеть себя. Совсем. Поежилась. Слегка прохладно.

Парень руками провел по бедрам. Приятно, до мурашек. Раздвинул ноги, наклонился, концы волос защекотали чувствительную кожу...

— Нет-нет, не надо. Не люблю.

— Все понял, — поцеловал в живот. И в бок. И в грудь. До губ добрался.

Оплел ее собой и стало жарко. Лина нащупала член, уже в резине и готовый — легонько сжала, глаза закрыла по привычке. Тут же открыла — она хотела его видеть.

— Больше не страшно? — шепнул он в ухо, обдав теплом.

— Нет, очень страшно.

— А так? — по очереди поцеловал обе груди. Соски напряглись и встали; Лина сжала

бедро парня ногами и тихо застонала. — А так? — пальцем провел меж ног, где все пылало. И загорелось все еще сильнее.

— Так слишком сильно, — выгнулась Лина.

— Ты прелесть, — Кира навис над ней, привстав на локтях и на одном колене. Примерился, прицелился рукой, начал входить...

— Ой-ой, так слишком страшно! — вцепилась Лина в его плечи, смотря в глаза. Обычные. Не застланные туманом. Горящие от тихой страсти, но... нежные? Неясный взгляд. Безумно непривычный, настолько же уютный.

— Ш-ш-ш, тихо, тихо, — он лбом уперся в ее лоб, и медленно, осторожно вошел. Не до конца. Тяжело дыша, вымученно зашептал в ухо: — Вот так — нормально?..

— Да. Хорошо, — расслабилась она и не солгала.

Ей стало очень хорошо. Так, что дыхание сбилось от экстаза. И хотелось больше, и еще. Кира ускорился. Наверно, не сдержался. Один раз, два, три, пять, семь... Лина обхватила его спину и с силой давила на себя, пульсация в паху усиливалась, нарастала, достигла пика — и на девятый раз ответила мощнейшим взрывом. Девушка охнула, бедрами стиснула Киру:

— Замри!

Он замер. Она стиснула его сильнее, чувствуя, как мощные сокращения выжимают ее всю. Так быстро с Линой не бывало. Так сильно — тоже.

— Я тоже... больше... не могу! — простонал Кира, дернулся, рывком вошел в нее — и кончил. Всем телом Лина ощущала, как пульсирует он у нее внутри, недолго, сильно, дьявольски приятно. Парень дрогнул напоследок, лег на нее, вышел наружу, скатился на бок.

— Ты прелесть. Прелесть, прелесть, прелесть, — поднялся на локтях и всю зацеловал.

— Ты тоже прелесть, — улыбнулась. С мокрыми глазами.

А после задумалась: «Что я творю?!».

— Пить хочешь?

— Очень.

— Сейчас...

Поднялся, взял минералку в мотоцикле. Отпил немного, ей протянул.

— Спасибо, — отдала бутылку. Руки не дрожали. Они тряслись, как от похмелья. — И мне, наверное, пора.

— Так быстро? Я провожу, — обнаженное тело шагнуло ближе. Прекрасное в лиловом свете, да и в любом другом. С растрепанными волосами. Руками обняло. Не тело. Кирилл весь, целиком...

Лина запуталась совсем.

— Спасибо, солнце. Я сама, — уткнулась носом в его плечо. Тонкий запах пота будоражил.

«Какое Солнце? Он не Солнце!!!» — спохватилась, но слишком поздно. Мороз по коже пробежал. Слезы опять к глазам подкрались.

— Ну хорошо. Тогда, до завтра? — ласково улыбнулся, с щеки убирая прядь волос и заправляя Лине за ухо.

— Конечно, да.

«Конечно, нет!!!»

— Ты моя маленькая прелесть. Ну что случилось?.. — с щеки слезинку пальцем подобрал.

— Нет, ничего...

— Ну я же вижу!

— Все, Кира. Мне пора. Не спрашивай, не надо, — затараторила она, отпрянув от него.

Схватила вещи, поспешно оделась.

— Скинь смс-ку, как дойдешь, — со вздохом сдался он.

— Зачем? Минуты три всего ходьбы.

— Ну скинь. Я буду волноваться.

— Ну ладно, скину...

Медленно приближаясь к дому, Лина слышала рев мотора позади. Который постепенно удалялся, пока опять не стало тихо. Птицы только пели трель, да ветви на ветру шуршали. Во рту растаял его вкус. Словно и не было ничего, и все ей только показалось.

«Бах, бах, бах!» — заухало в груди. Горечь к горлу подкатилась. Девушка сделала еще один шаг, остановилась. Всхлипнула. Еще раз, громче. Села на корточки. Склонилась. Лицом в рюкзак уткнулась — и плечи мелко затряслись.

Глава 10. Отрезать

Глава 10. Отрезать

«Еще ничего не началось, а я уже реву.

От мужиков одни расстройства.

Все, никаких мне больше Кир!» — утерла Лина слезы, ненавидя саму себя, чертovsky гормоны (серотонин и дофамин сильнее прочих), зажигалку, в которой именно сейчас вдруг закончился газ, безмятежный лес вокруг и гадостно-приятную погоду. Лучше бы град пошел и небо от вспышек молний разрывалось, под стать тому настрою, что бушевал в ее душе — так было б проще, но все вокруг как будто сговорилось.

«Он психически больной. Нормальный человек со мной бы не связался!» — злобно пнула кедровую шишку. С глухим стуком она отскочила от ствола и спряталась в траве. На дне рюкзака нашлись спички, с тихим матом девушка достала две сигареты, бездумно уставилась на них, сообразила, что вторую достала по привычке — Кириллу протянуть, разозлилась еще сильнее, раскрошила сигареты, обтерла пальцы в крошках табака о футболку, вытащила третью, наконец-то закурила и быстрым шагом пошла в дом по едва белеющей тропинке.

«Он придурок. Он совсем больной. Здоровый человек не дарит ананасы! А мне рюкзак теперь тащить. Тяжелый. И волосы на его груди все-таки есть. Несколько штук вокруг сосков. Это отвратно. И вообще, чего я в нем нашла? Смазливый мальчик, почти что гей, сыночек маменькин, такой весь симпатичный, милый, заботливый к тому же, красивый, как... как Гарри Ста... стоп, стоп, стоп!» — остановилась. Стиснула ладони в кулаки, зажмурилась, сделала вдох-выдох.

Кирилл уехал. А трезво мыслить не получалось до сих пор. Трясло, как с жуткого похмелья. И тело приятно ныло. И, самое ужасное, еще хотелось. Вот только смысл?

Лина, конечно, знала, что подобный казус вполне мог случиться даже с ней. От химии никто не застрахован, да будь она неладна!.. Но она не думала, что все окажется вот так — неожиданно и резко, и оказалась совершенно не готовой. Да и если бы она поняла все сразу, еще в том чертовом кафе, и не пошла сегодня никуда — глядишь, и не ревела бы сейчас, ломая голову, чего же делать дальше.

А ведь дом все понял сразу. А она списала все на «график». Да ну какой тут может быть график, ну что за бред?! Нет его и не бывало никогда. Сама себе признаться не хотела, вот и придумала чего попало, лишь бы глаза наивные не раскрывать. Все просто, очень просто — дом устранил соперника, и правильно все сделал, потому что никто не вправе лезть в налаженную жизнь Лины и наводить свои ненужные порядки. Ей было хорошо без всей вот этой шелухи.

«Ты прелесть!» — сплюнула она, не веря, что вслух сказала такие мерзко-нежные слова, да и кому — живому человеку, еще и «Солнцем» назвала. Куда девался ее здравый смысл?!

«Вообще-то, я был там и предупреждал!» — откликнулся от тут же, и Лина в гневе отшвырнула сигарету. Ну да, она его заткнула. Сама, сознательно. А что поделаешь — гормон. Но сейчас, когда объекта, вызывающего слюни, не было перед глазами, смысл здравый заработал с двойной силой. И он кричал, вопил, трясся за плечи, что надо срочно все исправить. И Лина знала точно, как.

Хочешь отвадить человека, так, чтобы раз и навсегда — дави в больное место. Какое

место у него большое? Тут ясно все, как дважды два.

Из темноты вынырнул дом, окруженный мрачным лесом. Солнце село совсем, и только луна огромная едва светила над черной крышей. И звезды. Те же самые, что жемчугом горели над головой, когда она Солнцу изменяла. А ведь он расстроится теперь. Наверняка. И сильно.

Девушка дошла до крыльца, замедляясь с каждым шагом, несмело поднялась на две ступеньки. Толкнула дверь. Пот по спине потек, предчувствие, что все идет не так, заставило остановиться. Ну а чего она хотела? Щелчок в двери не раздавался. Все слишком тихо. Она подергала за ручку. Подергала сильнее. Еще сильнее, затрясла, ударила дверь коленом. Бессмысленно и бесполезно, она не поддавалась.

— Солнце, прекращай, — уперлась лбом в косяк. — Пусти меня!

Мертвецкой тишиной ответил дом. Он не хотел ее впускать.

— Слушай, ну да, так вышло. И что теперь? Все, хватит. Открывай!

Ноль, полный ноль.

— И что теперь, всю ночь мне тут стоять? — растерянно захлопала глазами. Повертелась на крыльце, присела на перила. Уставилась на звезды, закурила.

Трясло. От злости и обиды. Она давно забыла, куда девала ключ. Она поверить не могла, что Солнце реагирует вот так — подленько и низко. Что он в принципе вот так умеет.

— Послушай, милый. Да, я ошиблась. А ты чего хотел? Вообще-то, я живая. У нас такое, знаешь ли, бывает, — выдохнула дым через ноздри, спрыгнула с перил, опять задергала за ручку. — Открой! Впусти меня, ты, слышишь? Кончай вести себя, как человек!

Безрезультатно. На миг ей даже показалось, что дом теперь обычный дом, и разговаривать с ним — глупо. Страх липкий растекся по нутру, а что, если Солнце теперь исчезнет, и что тогда? Как жить-то дальше? С людьми начать общаться? Закрыться полностью от всех и стать безумно одинокой?!

— А я... а я тогда сейчас уйду! И не вернусь больше, никогда! Ты слышишь?! — пошла Лина на шантаж, прекрасно понимая, что не уйдет. Не сможет. Не захочет.

Но он отреагировал — по стенам пошла дрожь. Едва заметная, но все же. Девушка воодушевилась:

— Спокойно, Солнце, успокойся. Он мне нафиг не нужен, потому что он — настоящий! Да и кто он такой? Да я ж его всего два дня, как знаю. Его не будет больше, никогда. Вот честно, обещаю. Давай,пусти меня, ну хватит!..

Ручка завибрировала и вяло вильнула вверх и вниз. Но двери так и не открылись.

— Да хватит уже! Ты... сейчас ты как мужик! — добавила громче. — Манипулируешь, а это низко! Прекращай, слышишь?! Открой, немедленно! — закричала во весь голос и с силой пнула дверь. Еще раз, и еще, пока нога не заболела. Остановилась, отдышалась.

— Так, ладно... хорошо. Я знаю, чего ты хочешь. И раз без этого тебе никак, то ладно, уж так и быть, — забормотала едва слышно, выискивая что-то в кармане. Достала телефон, зашла в контакты.

Внутри бурлила злость. Смысл здравый ликовал. А на задворках разума, неразборчиво и глухо, тихонько кто-то говорил: «Не надо, Лина, ну не надо!..»

«Уйди!» — рывкнула в мыслях на него.

— Сейчас ты успокоишься, — сказала раздраженно. Нашла контакт «Косички», сглотнула. Почему-то стало горько, глаза бездумно уставились на телефон. Как будто прямо в первый раз. Но отступить — бессмысленно и поздно. — Не будет его больше. Никогда.

Слышишь? — и нажала кнопку «вызов». Поспешно, быстро — чтобы не передумать. Сосредоточилась, глаза закрыла.

От протяжного гудка внутри все холодело. Хотелось немедленно нажать «отбой». Уйти и спрятаться, от всех подальше.

«Пришли мне смс», — вспомнила последние его слова. А вместо сообщения получит он... вот это.

Кирилл ответил почти сразу. Как будто ждал ее звонка.

— Лина, привет! — сказала трубка приятным баритоном. С оттенком радости, гадко-настоящей. Отвратительно-приятной. До мурашек по спине. А перед глазами встало его лицо. С семью морщинками вокруг левого глаза — столько их вылезало, когда он морщился и улыбался.

Какого черта она их сосчитала?!

— Привет, — сухо ответила, пытаясь унять трясущиеся руки. Ручка двери запрыгала верх-вниз.

— Ну как, дошла до дома? Все...

— Послушай, Кира, — жестко перебила. — Я думала. И я решила. Ты нафиг мне не нужен. Катись к чертям. Не появляйся больше. Никогда, — выпалила и замолчала. В груди заухало: «Бум! Бум!». В горле встал ком. В замке что-то зашуршало, еще чуть-чуть, и раздался бы щелчок.

Но не раздался.

— Мне просто было интересно, — продолжила, ответа не дождавшись. — А как это — с геєм? С таким слащавым, — едва не всхлипнула. Слеза скатилась. В ответ все та же тишина. — И знаешь, что? Ужасно. Я хуже в жизни не видала. Сплошное разочарование. Так что, иди-ка ты к чертям. Сыночек маменькин. Придурок.

В груди заклокотало. Слезы текли беспрерывно. Да почему ж так горько?! Хотелось всхлипнуть, но нельзя — он же услышит, и сразу все поймет. Что врет она, как дышит.

В ответ по-прежнему молчали. Да лучше бы он ответил, назвал ее шалавой, последней тварью и меркантильной сукой, так, как большинство из них и говорило во всех тех чатах, сайтах знакомств и иногда в реальной жизни — хоть что-нибудь плохое, так было б проще, так ей казалось бы, что она полностью права, но он молчал, словно нарочно, чтобы добить ее и сделать побольней.

«А что ты хочешь от него услышать?» — ехидно отозвался здравый смысл. Дверная ручка опустилась до предела. Еще чуть-чуть, еще три слова...

— Иди ты на хуй, — с трудом, но все-таки сказала Лина.

Секунда тишины. Какой-то треск. «Пи-и-ип! Пи-и-ип! Пи-и-ип!» — уныло отозвался телефон, давя на уши пыточными тисками.

— Да что... да что со мной такое?.. — сползла по стенке, смотря на экран. Подняла глаза чуть выше, уставилась на сосны, чернеющие в темноте. И на горькую луну, огромную и ледяную. Почувствовала себя, как в лесу, мистическом и ненастоящем, где из всех живых — она одна, и откуда нет ни выхода, ни входа. И век ей тут бродить, одной, озлобленной и раздраженной.

«Щелк!» — раздалось внезапно; Лина подпрыгнула на месте, перевела свой взгляд на дверь. Она открылась. Свет вспыхнул сразу, во всем доме, приветливо маня вовнутрь и заставляя щуриться от рези. Кружка на кухне под самовар подлетела, кипяток уютно зажурчал, в ванной раздался всплеск и гул, свинка проснулась и запищала. Окна закрылись

плавно, на улице похолодало.

Все, как обычно. Так, как всегда.

А Лина все сидела на крыльце и на экран, давно погасший, задумчиво смотрела. Идти домой не торопилась. Ей почему-то расхотелось. Ей не хотелось ничего — вставать, идти, чего-то делать, но больше всего — думать. А мысли, как назойливые маньяки, все равно лезли, лезли, и коготки впивали в совесть; эмпатия проснулась вдруг внезапно, и вкрадчиво шептала — «А если бы тебя вот точно так же, а?»; мошкара вокруг кружилась и отвратительно в ушах пищала, и ветерок прохладный мурашки вызывал. Столетний коврик у порога, истертый почти до дыр, немного свесился с порога и руку Лины собой накрыл. Она одернула ее, как будто от огня, потрясла перед собой, отмахивая незримую мерзость, уставилась на мутную кисть, сообразила, что сколько тут сидит, столько и плачет, и перед глазами все плывет.

— А-а-а-а-а! — не выдержала и вслух завывала, швырнула с силой телефон, от себя подальше, — он врезался в стену и разлетелся на куски.

«Что я наделала?

Так точно было надо?..» — она уже не знала. И путь назад надежно перекрыт.

Глава 11. Про вред скоропалительных решений

Глава 11. Про вред скоропалительных решений

«Вот он до чего меня довел.

Вот что со мной творится!» — смахнула Лина слезы. Сидеть вот так она устала, горечь утихла, немножечко, но стало легче. С трудом, но поднялась, размяла затекшие ноги. Вошла в дом, и напрямиком на кухню. Села за стол, взяла кружку с чаем. Отхлебнула, поморщилась — чай остыл.

— Ай, нет, не надо, — смахнула плед с себя. Он рухнул на пол и уполз на место. Остывший чай вылился в раковину, кружка помылась, налил новый. Стол пододвинулся поближе. Подушка, вся в заплатках, юркнула за спину.

— Со мной нельзя так. Ты плохо себя вел!.. — вздохнула Лина. Подушка потерлась об ее спину.

— Эх, Солнце, Солнце... — она откинулась, удобно расположилась. — Не этого сейчас мне надо. Мне очень плохо, понимаешь?

Форточка кивнула, чуть приоткрылась и захлопнулась обратно.

— Мне руки надо. Теплые, чтобы жалели. Чтобы я села на кровать, читала книгу или просто так сидела, а сзади меня кто-то обнимал. Ты понимаешь? А еще мне хочется лечь на чьи-нибудь колени, глаза закрыть, а ты чтобы меня чесал. И гладил. Пока я не усну. И рядом чтоб сидел всю ночь и одеяло поправлял. Руками, а не самим одеялом. Или даже лежал чтобы рядом, и прижимал меня к себе. Мне что-то вот такое надо, а не вот этого всего, — закончила и грустно осмотрела приползший коврик под ногами, зависший плед на входе, подкравшийся самовар и занавеску, переместившуюся на стол.

Все быстро разбежалось по местам.

— Я же так быстро не оклемаюсь. Забота мне нужна. И много...

Лина шмыгнула носом, подумала немного, решила, что начинать нужно прямо сейчас, пока опять не накатило — взяла рюкзак, достала ноутбук. Зашла на сайт «Нирвана», ввела логин и пароль. Бегло просмотрела все двадцать пять входящих сообщений, задержалась на одном. Писал взрослый мужчина, лет тридцати пяти. Она таких обычно не любила, но секс сегодня не входил в ее планы. Ей требовались руки, срочно, и лучше бы, чтобы они были повзрослее — чтобы почувствовать себя маленькой и несчастной, настроиться на нужный лад. Как в детстве, с мамой, когда она мечтала о правильном папе, который был бы мудрым и большим, а не злым и вечно пьяным.

Зашла в анкету. Данные: Егор, тридцать семь лет, женат. Ищу: любовницу. Дети: имеются. Статус: онлайн.

«Еще один козел, однако», — сморщилась девушка, все фотографии все же пересмотрев. Козел, но симпатичный. Поджарый, невысокий. Шатен. В подметки Кире не годится, но...

«Да хватит думать-то о нем!» — поток мыслей оборвала. Снова на глаза навернулись слезы, обидно стало так, хоть вой. Быстро, чтобы не успеть расклеиться опять, она нажала кнопку «чат» и в ответ на скромное «привет» поспешно настрочила:

«Привет-привет! Чем занят?»

«Привет еще раз! Сажу в гостинице. Я в вашем городе в командировке. А ты чем?» — и все те же смайлы. Командировочный... да тут сам бог велел!..

«А мне так грустно... Сажу одна, в пустом, огромном доме...» — забросила удочку она.

«М-м-м, как интересно. А как насчет...» — попало тело на крючок.

Через минут так десять Лина закрыла ноутбук и через лес пошла на остановку, куда обещалась подъехать на такси выбранная жертва. Девушка никогда не писала истинный свой адрес и постоянный номер телефона, чтобы у жертв не оставалось ни одной конкретной зацепки; забыть-то они все забудут, а по переписке могут чего-то сообразить, восстановить хронологию событий. Бывали в прошлом прецеденты.

«А Кирилл-то помнит адрес. И телефон, и место работы!» — сообразила вдруг она. Притормозила, шмыгнула носом, достала сигарету, закурила. Медленно дошла до остановки, села на лавочку, но долго посидеть не удалось — подъехала машина, из которой вышел Петр. Или Олег, или Егор. Не важно, в общем. Тело вышло. Она отбросила бычок и двинулась ему навстречу...

Сначала Кирилл только глотал ртом воздух. Горло банально онемело, он бы и хотел вслух что-нибудь сказать, но не мог, не получалось. И чувствовал себя так, как будто его только что избили, физически, за просто так. А после харкнули сверху и оставили корчиться в грязи. В висках стучали колкие слова, одни и те же, раз за разом: «придурок, маменькин сыночек, иди ты на хуй, гей, гей, гей...». Они сильно выжимали, хотелось плакать; и ладно абы кто сказал такое, но услышать это от нее, после того, что у них сегодня было — вдвойне невыносимо. Обида жгла и затмевала здравый смысл. Хотелось все ломать, крушить, схватить мерзавку ту за плечи и трясти так, чтобы она орала и прощение просила; на Яну сесть и на огромной скорости промчаться по ровной трассе, вперед, и все равно, куда, лишь бы быстрее.

Кирилл с трудом удерживал себя. Он понимал, что в таком состоянии куда-то мчаться сгоряча опасно, и для начала успокоиться бы надо. Вот только как? Тяжелым взглядом посмотрел вокруг. Гараж открытый, темнота, чернеющая во мраке Яна, луна и крыши типовых высоток. Картина так себе.

Кира уперся спиной в стену, сполз вниз, устался на телефон, который с силой сжимал в руках примерно с вечность. Забросил его в кофр, отпил воды из той бутылки, из которой и она пила, вдруг сильно разозлился и отшвырнул бутылку в тьму.

— Да что с ней, черт возьми, не так?! — с вызовом обратился к Яне.

Яна разумно промолчала.

Кирилл сдавил виски, закрыл глаза. Первоначальный шок прошел, и в голову закрались смутные догадки. Ведь что-то шло не так, причем с самого начала, еще тогда, в кафе, вот только выявить все тонкие нюансы, сейчас, сквозь пелену обиды, почти не получалось. Но что-то с ней не так, она же не могла так просто взять и вылить на него ушат помоев?..

Или могла?

Или же нет?

Он весь напрягся, детально припоминая вечер. Так... вот тут она уходит от ответа, не хочет говорить про дом... и тут уходит от ответа... вот тут боится, но дает себя поцеловать... сама накинулась... приятно!.. Резко ушла. А почему? Вот они едут... лес. Она боится. Она искренне боится, так, что плачет даже, но быстро тает и сдается... да что с ней, черт побери, не так?! Она психически больная?!

Чего она закрытая такая?! Она с детдома? Ее насильовали? Ее отец придурком был и мать — алкоголичкой? У нее парень есть, и он ее избил, с порога обо всем догадавшись, и

позвонить заставил? Нет. Отпадает. В доме не было мужских вещей, да и она сама тогда на сайтах бы не зависала, и с ним гулять бы не пошла.

И дом... с ним тоже все не так, хотя, под стать хозяйке...

Но все-таки, за что она его вот так?.. Так грубо и бесцеремонно? В голове еще немного прояснилось. Кирилл припомнил все ее слова, что она в лесу шептала. Он кончить был готов от одних только этих слов, она их искренне сказала, сомнений быть не может. На волне экстаза, от души, млея под его руками. Да тут захочешь — не совершь!

Какая ж сучка!..

Она с ним встретиться хотела. Сама сказала. И смс-ку обещала же прислать.

Но не прислала, а цинично послала. За что? Что с ней могло случиться, за жалких полчаса?! А если вдруг она сказала правду, и он действительно... такой?

В такое верить не хотелось. Такого просто не могло быть!

«Нечисто, что-то тут нечисто!..» — уверился еще немного.

Здесь что-то не вязалось. Точнее, не вязалось вообще все, от конца и до начала. Логика и рядом не стояла, или же упряталась так далеко, что выявить ее не так-то просто. Кирилл с трудом, но все прокрутил в уме последний телефонный разговор, концентрируясь не столько на словах, сколько на ее тоне, на прочих звуках, мелочах... Так, стоп. Все гласные дрожали. И пару раз раздалось что-то, похожее на всхлип. Она сказала так... нарочно? Она лгала? С определенной целью? Чтобы отвадить? Но, блин, зачем?! А по-хорошему — никак?!

Он думает так, потому что хочет так думать, или же все так и есть? Зачем она его послала, если не хотела посылать?! Что у нее там происходит?!

«Я выясню!» — уверенно поднялся. Оседлал Яну, и на приличной скорости поехал он обратно. «А если она и правда сука, то пусть повторит все те слова в лицо!» — подбадривал себя в пути.

«Я ей отвечу. Все выскажу той твари! Она узнает, как меня геем называть!» — распалялся, огибая лес.

«А если что-то там случилось, то я, может быть, ее прощу... если она как следует попросит!» — и прибавил скорость до предела, наслаждаясь плотными потоками воздуха, отрезвляюще хлещущими в лицо.

«Не с тем она связалась. Не с тем!!!» — заворачивая на проселочную дорогу.

«Она мне все расскажет. Все!!! А потом я отнесу ее в кровать...» — пряча Яну чуть в стороне от дома, в лесу. Чтобы девчонка мотора шум не услышала, и не подготовленной к визиту была. Чтобы застать ее врасплох, и выяснить все подчистую. А то ведь спрячется еще, или притворится, что не дома. Она ж пугливая, дикарка...

Разгоряченный в край Кирилл вышел из лесу, пытаясь речь в уме продумать, которую бросит ей в лицо; прошел немного вдоль забора, увидел тот самый страшный дом. Притормозил и осмотрелся. Услышал шум за спиной — и тут же в лес нырнул обратно, прячась за толстый еловый ствол. Накинул черный капюшон, шнурки потуже затянул. Прижался к дереву и замер, надежно слившись с темнотой. Он не хотел, чтобы кто-то его здесь видел.

По дороге шли двое и раздавались голоса. Один знакомый. Тоненький и звонкий. Хихикающий без конца. Внутри все затряслось — неужто это... Ангелина?..

Надеясь, что все-таки ошибся, Кира немного подождал и осторожно вышел на дорогу. Те двое шли чуть впереди, и да, сомнений больше не осталось. Там действительно была она. Во тьме виднелся только образ, ее и странного типа, они шли рядом, близко... Так значит

вот, в чем дело? Она кого-то дождалась, а его за ненадобностью послала?! Права была соседка, девчонка просто блядь!

Кирилл глазам своим не верил. Никак не мог принять.

Неужели все так просто? Вот так банально, подло, пошло?.. Злость нарастала. Хотелось их нагнуть, типу тому дать в рожу и все про Линку рассказать, чтобы он был в курсе, с кем связался; ее наградить презрительно-холодным взглядом, все высказать, пожестче, развернуться и уйти, домой, помыться, в огненной воде, хотя вряд ли она всю эту мерзость смое... И он бы так и сделал, и даже рот уже открыл, но в разгоряченный разум ворвались ее слова, которые заставили остановиться:

— Да погоди ты, здесь не надо... — вяло пискнула девчонка, заворачивая к дому. Кирилл всмотрелся — тот странный тип обнять ее пытался, а она отстранилась от него. Что показалось ему странным.

— Как, говоришь, тебя зовут? — ответил ей прокуренный бас. Взрослый мужчина. Лет сорока на вид, не меньше, залысины на голове и легкая сутулость... и она, на это вот, его?..

— Марина.

«Да что за дьявол?..» — не понял Кира. Все в голове совсем смешалось. Она что с ним не знакома? И почему такое имя назвала? Или она и есть — Марина, а Ангелиной назвалась только для него?!

— Да блин не трогай ты меня!.. — сказала она громче. Тот тип по жопе ее шлепнул.

— Ах ты какая! — противно засмеялся гаденький мужик.

«Да что тут происходит?! Что с этой сучкой-то не так?!» — понимая, что ни-че-го не понимает, тихонько тоже заглянул во двор. Лина вбежала по ступенькам, отмахиваясь от поползновений, толкнула дверь, тип поспешил за ней. И за стеной раздались ее крики. От которых в жилах стыла кровь.

«Да что за нахрен?!» — опрометью, пути не разбирая, к дому побежал. Заглянул в окно на кухне, где почему-то свет включился, всмотрелся в длинный коридор, увидел, как мужик зажал девчонку у стены и как она пытается сопротивляться, как выпучились глаза ее и услышал, как она орет. Отчаянно и жалко. Как тот козел зажал ей рот ладонью, и руку в джинсы запустил. Она задержалась, затрепыхалась...

Он отшатнулся от окна.

«Ведь изнасилует, зараза!» — застлала паника глаза. Киру трясло, и он был адски зол, но вот так стоять, смотреть, как девушку — такую даже — насилуют, и слушать вопли, он физически не мог. Взор помутнел, кровь разлилась по телу, почти не соображая, Кирилл бросился вперед, обогнул дом, рванул на себя двери, ворвался в коридор и... обомлел, застыв на месте и тяжело дыша. Не веря глазам своим, сомкнул их с силой, распахнул. Но ничего не изменилось.

Сердце как будто выпрыгнуть решило, рот открылся сам по себе. Лина и тот тип, что недавно бросался на нее и с силой к стенке прижимал, сидели на полу и мило ворковали, в обнимочку, лицом к лицу. Но, услышав грохот в коридоре, девчонка резко отскочила, обескураженно уставилась на него, как рыбка беззвучно губами зашевелила, попятилась назад, за голову схватилась.

— Какого хрена ты приперся?! — опомнилась секунд шесть-семь спустя. Тот тип так и сидел у стенки, и на них даже не смотрел. Поганный трус! Больная шлюха!

— Ах... ты ж... шалава! — опомнился он тоже, взглядом ненависти ее сверля. — Ты ж... проститутка! Сука! Блядь!!! — под мощным эмоциональным взрывом заорал так, что

собственные уши заложило. Еще чуть-чуть — и он бы ей врезал, так сильно гнев накрыл его; ладони сжались в кулаки, а на лице желваки заиграли.

А тот мужик вдруг голову задрал. Молча. И хорошо, что он молчал, если бы сказал хоть что-то, то Кира бы за себя не отвечал. А ведь ему смешно, наверно. Они же оба над ним сейчас смеются! Да какого хрена он вообще сюда пришел, на что надеялся — на это?! Позор, посмешище, кошмар, да хуже просто быть не может!

Придурок, истинный придурок, олень влюбленный, идиот!!!

— Быстро, проваливай! — имела наглость заявить девчонка. Приказным дрожащим тоном, испуганно по сторонам глядя, над головой выставя руки, как будто защищаясь от него.

— Конечно, я уйду. Шалава! — в сердцах сплюнул на пол. Трясло. Как никогда еще.

— И не возвращайся никогда!

— Иди-ка на хуй ты сама!

— Вали уже, придурок! — заверещала она так, как будто ее режут.

Кирилл уже физически не мог здесь оставаться. Хотелось сделать что-то ей плохое, чтобы она запомнила наверняка, но приближаться к ней — противно, да и опасно — случайно вдруг прибьет; слушать пронзительные вопли, смотреть на эти стены в мерзостный цветочек и на того трусливого козла — отвратительно вдвойне. Он развернулся и быстро к выходу пошел, схватился за ручку, приоткрыл входную дверь...

Лина поспешно отвернулась. Земля дрожала под ногами. Она не могла смотреть, как он уходит. Не хотела. Ее трясло, дыхание распирало, она поверить не могла и до сих пор не осознавала, что он все-таки приехал, после того, что от нее услышал, что вот так ворвался, застал ее с другим, так наорал, пылая гневом. С глазами, налитыми кровью, с вздыбленной веной на шее, с взъерошенными волосами и с каплями на лбу. Черт, как же он сейчас прекрасен!.. И как же жаль, что это точно все, и как же хорошо, что он обозвал ее привычными словами, и показал, что на все сто «такой», зато теперь он точно больше не вернется, и так забыть его будет попроще.

Проще.

Проще...

Она уставилась на Солнце. Точнее, на то наглое тело, что на нее напасть пыталось, и почувствовала, как холод разливается внутри, заставляя глаза округляться от страха. Оно распласталось на полу, дым из него вышел и уже впитался в стены, пока она с Кириллом препиралась, а это значит... значит, что...

Мгновенно в горле пересохло. Лина сглотнула.

Позади раздался грохот. Вмиг что-то разбилось, затрещало, хрустнуло так страшно — как звук ломающихся костей.

— Твою же ма-а-а-ть!!! — истошно, криком, полным боли, пронзительно заорал Кирилл. У Лины екнуло внутри и все заледенело, она быстро обернулась, за голову схватилась. «Твою же мать!» — с ним согласилась и бросилась на помощь сразу, почти не соображая и дьявольски боясь, что может не успеть...

Глава 12. Угол, в котором безопасно

Глава 12. Угол, в котором безопасно

— Немедленно прекрати! Нельзя! Нельзя! — подлетела Лина к двери, вцепилась в ее край и с силой потянула на себя, бешено буксуя на полу.

— А-а-а-а!!! — как заведенный верещал Кирилл, дергаясь и пытаясь высвободиться.

Он не успел выйти и наполовину. Дверь с силой захлопнулась и зажала его руку чуть повыше локтя, и теперь сжимала ее так, что, казалось, еще чуть-чуть, и кости не выдержат давления — разломаются в щепки, мягкие мышцы разорвутся и конечность отрезется, прямо вот так вот, грубо, на живую. Совсем скоро Кира завыл от боли, выпучил глаза и из них обильно слезы потекли; он плечом уперся в косяк, подошву кроссовка подставил в уменьшающийся на глазах просвет, но это не помогло совершенно, а только хуже сделало — теперь зажало еще и ногу. Пальцы перекорежило, и он уже не выл, а хрипел; Лина, как ненормальная, безуспешно пыталась ему помочь, трясла дверь, тянула ее, била, материла и уже сама вовсю редела, сердце сжималось от страха — трещали петли и косяк, осыпалась штукатурка, но дверь не поддавалась ни на миллиметр, и продолжала уверенно усиливать смертоносную хватку.

Девушка схватилась за обувную лопатку, вставила в щель и задергала, как рычагом — лопатка погнулась и сломалась. Лина отшвырнула ее и лихорадочно осмотрелась, но глаз ни за что не зацепился, а слушать хрипы Киры и смотреть на его перекореженное лицо было физически невыносимо, и требовалось сделать что-то немедленно, сейчас же, но девушка понятия не имела, что. Дом отказывался подчиняться, игнорировал ее, сошел с ума, и она поняла точно — он убьет Кирилла, однозначно. Его — да, а... ее?

Под сиюминутным озарением она подскочила к Кире, вжалась в него и с трудом протиснула в щель свою собственную руку, холодея от одной только мысли о том, что, если ее тощая конечность кое-как пролезает в просвет, то каково же сейчас ему. От болевого шока он уже ничего не соображал и едва ли вообще заметил Лину, продолжая бездумно дергать рукой — кожа с нее слезала лоскутами и кровь тугой струей текла по косяку. Дверь закрылась еще... еще... еще... боль в руке достигла пика, девушка стиснула челюсть, глотая слезы, зажмурила глаза, потому что ее физически выворачивало от вида чужой крови, и на очередной микро-толчок ответила воем:

— А-а-а-а, больно!!!

Тут же дверь ослабила хватку, девушка схватила Киру за руку и вытащила ее; он зашатался, и, чтобы парень не свалился, ей пришлось удерживать его двумя руками за бока. Краем глаза она уловила движение — и резко толкнула Киру к стене, так, что они оба повалились на пол, и вовремя, потому что со свистом дверь молниеносно распахнулась и запросто снесла бы половину головы.

Смертоносная дверь захлопнулась, замок защелкнулся и стало тихо. Девушка переметнулась к Кире. Умом она понимала, что разорванную руку надо бы обработать, остановить кровь, но от пережитого ее трясло, сердце подпрыгивало, и от растерянности она только и могла, что подносить к нему ладони и тут же одергивать их обратно.

Здравый смысл кричал, что перевязка подождет. А вот вытащить отсюда Киру требовалось сейчас же: в доме слишком много старых вещей, которые находились здесь изначально — новыми предметами он не мог управлять — и каждая отныне таила в себе

смертельную опасность. Здесь, в коридоре, из старого была входная дверь, вешалка, трюмо (с новым зеркальным полотном), картина поодаль, пол, стены и коврик у порога.

— А-ах, — схватился Кира за распухающее на глазах багровое плечо, принимая сидячее положение. — Ах, с-су-ука...

— Тошнит... мне плохо... — донеслось из коридора.

— У-и! — из спальни.

«Все очень скверно...» — в голове.

— Кира, ты как? Подняться можешь? — попробовала взять себя в руки. Голос дрожал. Все тело — тоже.

— А-ах, больно как... — пробормотал он еле слышно, пальцы пачкая в крови. — Ай-я-я-я... — медленно перевел взгляд на нее. В зрачках плескался страх и ужас. — Не подходи ко мне! Ты демон! Дьявол, Сатана!.. — вдруг заорал и, выставив перед лицом целую руку, а вторую по полу волоча, быстро отполз подальше.

Лина открыла рот, но сказать вслух так ничего и не успела — дом продолжил начатое дело. Опасное трюмо взметнулось в воздух, зеркало с него грохнулось плашмя, клубки запрыгали по полу и спицы разлетелись. Со звоном рассыпались осколки, а мебель, как разъяренный бык, углом вперед стремительно на Киру понеслась, со свистом рассекая воздух.

— Ах ты же тварь, нельзя! — с визгом Лина ринулась вперед. Едва успела встать перед парнем — трюмо зависло и отплыло назад. Взяло в воздухе дугу, готовясь к следующей атаке. — Кира, скорее в угол. Оно зайдет со стороны, — Лина попятилась назад, собой надежно жертву укрывая и не мигая глядя на теперь уже врага.

Кирилл завозился за спиной и, тяжело дыша, переместился. Девушка зажала его в угол, руками в стены оперлась. Так не добратся... мебель грохнулась назад, ножки сломались, стихло все.

Но Лина понимала, что затишье — ненадолго. Еще картина... вешалка... да и трюмо же не исчезло!

— А-а-а-а, — Кирилл от страха задыхался.

— Спокойно Кир, все хорошо. Сейчас мы вытащим тебя отсюда. Держи себя в руках, — до Лины с ужасом дошло, что трезво мыслит здесь она одна. Что дом ей не остановить, что парень до смерти напуган, еще и тело в коридоре... — Вставай. И вдоль стены иди за мной. Меня здесь ничего не тронет. Тебе понятно? Кир, вставай! — добавила чуть громче.

Через плечо обернулась. С мертвецки-бледным лицом Кирилл сидел, вдавившись в угол, трясся и, как казалось, ничего не соображал. Из раны торчали куски мяса и кровь по-прежнему хлестала, лужей растекаясь на полу. Все было очень плохо.

— Кирилл! Вставай! — рявкнула погромче. Он вздрогнул, словно бы очнулся, и с трудом на ноги поднялся.

— Так, молодец. Теперь идем за мной. Дойдем до спальни. Там мы разобьем окно. И вылезем отсюда, — руками его сзади надежно обхватив, девушка двинулась вперед. Парень шел за ней, как будто зомби, еле ноги волоча и шоркая спиной о стену, она его практически тащила. Медленно они дошли до стонущего тела...

Зрение Лины обострилось многократно, улавливая мельчайшие движения. Особенно беспокоила картина, затаившаяся чуть дальше, в массивной крепкой раме с опасно-острыми углами, и девушка с нее не сводила глаз — но дом рассудил иначе. Еще через пол шага дым отделился от стен, собой заполнил коридор и струями влился в мужчину на полу. Быстрее,

чем обычно, буквально в несколько секунд. «О, нет, о, нет, о, нет!» — запаниковала в мыслях Лина, смотря, как тело уверенно поднялось и сходу двинулось на них.

— А, а, а, — Кирилл от шока дар речи потерял. Он выпучил глаза и бездумно затыкал пальцем в коридор, на приближающегося монстра. Когда же тот приблизился вплотную, и через Лино плечо мутным взглядом уставился в его лицо, то Кира, издав невнятный грудной звук, сполз молча по стене.

— Не смей, — шагнула вперед Лина, сурово вперившись в задымленные глаза. — Уйди! Оставь его в покое!

Дом схватил ее за плечи и нагло в сторону толкнул. Она чуть было не упала, вскрикнула и пошатнулась, схватила монстра за одежду и с силой потянула на себя. Но проще было сдвинуть с места стены; тело протащило Лину за собой, зависло над скованным Кириллом, который даже не моргал, и стремительно ногой заехало ему под ребра. Раздался хруст и хрип из горла.

— Не трожь его, не надо, хватит! — заверещала девушка, пытаясь тело с места сдвинуть, и с замиранием внутри смотря, как Кира скорчился, согнувшись пополам, и как жадно ртом проглатывал он воздух. — Ах ты же сука... падла... тварь!!! — челюстью вцепилась в шею, прокусывая почти насквозь — но абсолютно бесполезно. Дом молча занес ногу над головой врага, но с Кирой что-то вдруг случилось — он вроде бы пришел в себя и быстро в сторону отполз. Удар — судя по мощности, смертельный — пришелся мимо; сотрясся пол и грохотом заложило уши.

Тварь отшвырнула вцепившуюся Лину и двинулась вперед. Кирилл поднялся, с трудом удерживаясь прямо, осколок зеркала в руке зажал, и приготовился принять атаку.

Лина ударилась об угол, сильно, головой, но она того не замечала — дом почти к Кире подошел, и девушка прекрасно понимала, что он сейчас его убьет. Что монстра резать бесполезно, одной рукой, и то, не правой, что силы здесь неравноценны, что дом не ощущает боль. В мандраже диком подхватила с полки шарф, накинула на шею монстра, петлю стянула и что есть мочи закричала:

— Беги!!! Разбей окно, беги!!!

И Кира бросился вперед, но перед дверью спальни отшатнулся.

— Он ей пока не управляет! Беги же, ну, беги!!! — она с трудом удерживала рвущееся за парнем тело, и тогда монстр повернулся к ней. С синим распухающим лицом, с чернящими глазами. — Умри же, тварь!.. — сквозь зубы Лина прошипела, заехала по телу в пах (хотя и помнила, что это бесполезно), и шарф рывком стянула так, что полотно все затрещало.

Тело дернулось, обмякло — дым вышел из него и в воздухе распределился. Раздался звон разбитого стекла. «Твою же мать, там старое стекло!!!» — сообразила поздно Лина, и опрометью бросилась вперед.

— Кир, Кира, берегись!!!

Влетела в спальню и застыла. Она, конечно, многое видала. И думала, что ее ничего уже не удивит. Но ошибалась. Осколки битого стекла с пола взмыли в воздух и часть из них выстроилась в раме, дырявым полотном выход наружу перекрыв, а часть зависла в воздухе и разом развернулась к парню самым острым сколом, готовясь нанести удар. Кира выронил кусок зеркала, поняв, что им защитить себя не сможет, и беспомощно взглянул на Лину. Его трясло. Рука свисала, как веревка.

— Так, Кира, тихо, тихо... так... так... у дома угол обгорел! Там неживой участок! Бегом туда, он им не управляет, там новое же все! — сообразила вдруг внезапно, и замахала

в правый угол от окна.

Кирилл раздумывать не стал и рванул туда, куда сказали. Проблема крылась в том, что рядом с тем углом висели и осколки. Которые со свистом бросились ему навстречу, как сотни смертоносных пуль.

— Кира, глаза! Закрой глаза! — выкрикнула Лина, прыжком влетела в облако осколков, и часть из них, столкнувшись с ней и еле поцарапав, осыпалась на пол; но большинство настигло Киру, которой укрывал лицо ладонью, и впилося в его кожу, везде, от ног до кончиков ушей. Он истошно закричал и рухнул в безопасный угол. С перекореженным лицом опустился на колени, одной рукой оперся об пол, изогнулся, голову задрал, и так и замер, скуля от боли. Осколки потеряли силу, в плоть перестали погружаться, и торчали наружу, как иглы у ежа.

— О боже, Кира! Кира, Кирочка, Кирилл!.. — присела Лина рядом с ним. — О боже боже, боже! — и хладнокровно заработала руками, выдергивая осколки из спины. Все мышцы парня напряглись и стали, точно камень, футболка сырела на глазах, пропитываясь кровью. И он по-прежнему скулил, и сердце девушки сжималось, она с трудом давила истерику в себе, сосредоточившись на процессе. Хотя кто-то должен сохранять рассудок, ей поддаваться панике нельзя.

С десятков ранок на спине. Примерно столько же — на бедрах; чуть меньше на руках и на ногах. Очистив парня сзади, Лина его с трудом перевернула, прислонив спиной к стене, и обработала весь перед, в глаза стараясь не смотреть. Осколки не успели глубоко воткнуться там, где была одежда; но на оголенных участках они проникли довольно глубоко. И было их так много!.. Последний кусок торчал из уха, пронзив его насквозь. Девушка схватилась за него — свет вдруг моргнул и полностью погас. Дом обесточился, и в тьму все погрузилось.

Стало не просто страшно, а невозможно, адски жутко.

— О боже, боже, боже... Кира, скажи же мне хоть что-нибудь! — Кирилл почти не шевелился. И даже больше не скулил. Девушка взяла его за плечи и мелко-мелко затрясла; на миг Лине показалось, что все, он умер, и косвенно — из-за нее, и удержать себя в руках уже не получилось. Она согнулась пополам и горько зарыдала, забила кулаками пол, и ей хотелось рвать, метать, крушить, внутри все разрывало; хотелось все вернуть обратно, не совершать ошибки и не въезжать сюда, остаться в маминой квартире, не знать вот этого всего, не стать самой частью кошмара.

— А-а-х... — Кира вдруг тихо застонал, и Лина взвизгнула от счастья.

— Кира, Кирюшечка, Кирилл, ты жив, живой, о боже!.. — в порыве чувств к нему примкнула, он тут же сильно закричал — она задела раздавленную руку. — О боже мой, прости, прости!.. Сейчас, я вытащу тебя отсюда, сейчас, немного потерпи...

Силы вернулись. Лина пошарила в кармане, надеясь найти там телефон, но вспомнила, что он рассыпался на части. Порыскала в одежде Киры. Там тоже трубки не нашла.

— Сейчас, дружок, потерпи. Я сбегая до тела, у него должен быть телефон. Тебя никто тут не достанет, здесь безопасно, я очень быстро, хорошо?

Кирилл в ответ кивнул.

Лина поднялась и ступила с безопасной зоны, да так и замерла, с поднятой ногой. Все затряслось и задрожало. Картины попадали со стен. Загремело, отовсюду, как будто смерч ворвался в дом, и от его раскатов Лина чуть было не оглохла. С протяжным скрипом, свистом, стуком из всех комнат по коридору в спальню мебель поползла, сотрясая пол и стены. Девушка нервно сглотнула и попятилась назад. В дверной проем ворвался стул, за

ним трюмо и стол из кухни; огромный платяной шкаф отполз от стены и двинулся на них.

Лина шагнула назад и вернулась к Кире. Вся мебель окружила их, надежно выход перекрыв, нависла сверху и затихла. Темно. Холодный лунный свет падал в окно. Зловещие тени везде застыли. И запах скорой смерти витал над головой. И ладно бы, своей. Так нет — чужой...

«Это конец!..» — девушка осела на пол. И, не мигая, уставилась вперед.

— Лина... — Кира простонал и положил на плечи руки. Она дрогнула, очнулась.

— Я вытащу тебя отсюда. Я вытащу... — утерла слезы.

— Оно меня убьет? — пальцы на плечах заметно задрожали.

— Ну что ты, нет. Конечно, нет...

— Ты врешь. Опять...

Лина не знала, что сказать. Что на такое обычно отвечают? Что да, мы в угол загнаны, ты истекаешь кровью и говоришь с трудом, и вряд ли до утра дотянешь, что делать и как тебя спасать — не знаю; Кир, ты обречен, без вариантов. От горечи хотелось плакать и курить. Рука к карману потянулась...

— Поджечь! — сообразила вдруг внезапно, воспрянула, выпрямила спину. — Он отвлечется, мы сбежим! Ведь бабушка спалить его пыталась, теперь понятно, почему. У меня же спички!

— Одна?

— Нет, целый коробок... — гремящую коробочку достала. — Сейчас, сейчас... — трясущимися руками выудила спичку. Подождла. Вспышка чуть ослепила, дрожащий огонек Лина к стулу поднесла. Стул отскочил назад. Пальцы не слушались, спичка упала, пламя угасло. — Да что ж такое-то... сейчас...

Взяла вторую. Чиркнула о коробок. Не получилось. Еще раз — вспыхнула головка.

— Лин... Лина, берегись! — схватил ее за руки Кира. Спички рассыпались, и тут же полностью намокли. Их окатило кипятком из подлетевшей кружки.

— Ай-я-я, да что ж такое! — подпрыгнула она, ошпарив пальцы. — Все вымокло!.. Ай, больно как!.. — затрясла руками. Позади раздался выдох. — Кирюшечка, ты только не переживай. Я что-нибудь придумаю сейчас... — осмелилась обернуться и на Киру посмотреть. Слова застряли в горле.

Глаза привыкли к темноте. А лучше бы не привыкали. Кирилл выглядел неважно. Сжималось все внутри. Весь перепачканный в крови, под ним ее скопилось лужа. Лицо, белее мела в лунном свете. Глаза опухли, булькало в груди. Слабел буквально на глазах, едва удерживая позу «сидя». И взгляд блуждал. Она подвинулась вплотную, руками Киру обняла, откинула с щеки слипшиеся пряди.

— Держись, дружок. Ты держись...

— Мне холодно... — содрогнулся он от пробирающего озноба. И зуб на зуб не попадал.

— Сейчас, погоди. Попробую достать, — Лина подалась чуть-чуть вперед и потянула руку к пледу, обычному, не старому, свисающему с кресла. Не дотянулась, далеко. Привстала на колене, вытянулась в струнку, немного вышла из безопасного угла... Вся мебель сдвинулась вперед, над полом грозно приподнявшись.

— Нет, нет, не уходи. Не оставляй меня тут! — испуганно вцепился в нее Кира и потянул назад.

— Конечно, не уйду, — опять к нему прижалась. Мебель колыхнулась и опустилась на пол. — О Господи, ты весь горишь! — потрогала огненный лоб. — А если сепсис?.. а если?..

Кирочка, держись, я что-нибудь соображу... Держись, ладно? Хорошо? — и всхлипнула. Беззвучно.

— А ты не уходи. Ты точно не уйдешь? Я не хочу... мне холодно и страшно. И все болит. Не уходи, пожалуйста, не оставляй меня тут одного, оно же меня убьет сразу, не уходи, ладно, хорошо? Не у...

— О Господи, ты бредишь, — стиснула до скрипа зубы, чтобы случайно не завывать. Стянула с себя верхнюю одежду, накинула на плечи Киры, и обняла его, пытаюсь отогреть собой. — Держись, пожалуйста. Держись...

Уткнулась носом в его шею. Вдохнула крови аромат, с оттенком боли, пота, смерти. Вся мебель, негодую, затряслась и сдвинулась вперед. Огромный шкаф навис над ними, в воздухе паря. Чуть только сдвинься, отойди — и он обрушится, раздавит. И будет здесь висеть и ждать всегда. Хоть день, хоть вечность, ведь он же не устанет, никогда.

Кирилл обмяк совсем и на нее облокотился. Ладонью Лина ощущала дрожь. «Он уже же умирает...» — вдруг поняла, ясно и четко, и задрожала тоже. Заплакала, старательно скрывая слезы. Переложила Киру на себя, он лег ей на колени, застонал. Калачиком свернулся, вцепился в ее ноги. Так сильно, как будто бы боялся, что она встанет и все-таки уйдет. А Лина гладила его, пропускала волосы сквозь пальцы, и что-то говорила, без умолку, то, во что не верила сама: что все закончится, и скоро, само-собой, что хорошо, что Киру отвезут в больницу, и что она к нему придет, и принесет томатный сок и апельсины — и понимала, что им не выбраться отсюда. Она не сможет им помочь. Ничем. Никак.

И никогда.

(Но в нос ударил запах дыма)

Глава 13. Последняя

Глава 13. Последняя

Егора безудержно рвало. Он задыхался и ползал на полу, глаза резал невыносимо яркий свет, ладони скользили на собственной же рвоте. Он падал на живот, опять приподнимался и полз, полз, пока головой не упирался в стену — тогда он разворачивался и полз обратно, захлебываясь от горькой желчи, булькающей во рту. Так плохо ему не было, наверно, никогда, но самое паршивое, что он не помнил, где находится и как сюда попал, и, главное — как выбираться из ада места, где хозяйничал сам Сатана. Он смутно помнил едкий дым, который выливался из него, раздирая нос, уши, глаза, нутро — ему казалось, что его вскрывают, на живую, что глаза не выдержат и вытекут наружу, и вены лопнут от натуги. И он боялся, до смерти, что это повторится вновь, и Егор знал точно, что не вытерпит тогда и просто сдохнет. И единственное, что он понимал — что надо выбираться. Ползти вперед. Бежать. Любой ценой!

Егор всегда был атеистом. Но слова молитвы «Отче наш» всплывали сами в голове, и он их повторял, по кругу, раз за разом — они немного вытесняли щемящий ужас из груди. Неожиданно яркий свет сменился непроглядной тьмой, но от этого Егору стало легче — теперь не казалось, что в глаза кто-то тычет тупой иглой. Везде все затряслось, над ухом что-то полетело, огромное нечто мимо проползло, и он едва успел к стене прижаться, чтобы это «что-то» пропустить и не оказаться разможенным.

Шея болела. Трещали позвонки. В паху пульсировала боль. Кислорода остро не хватало. Хотелось лечь и умереть, только бы все это прекратилось, но в то же время больше всего на свете ему хотелось жить.

Но вот глаза стали различать предметы. И разглядели длинный, мрачный коридор. В его конце белело что-то. Входная дверь! Егор собрал остатки сил и к ней подполз, и вовремя — начался суший кошмар: с разламывающим череп скрипом отовсюду поползли предметы, мебель, и все плотным потоком втискивалось в дверной проем одной из комнат; от страха он чуть не отключился. Но собрал остатки воли и схватился за дверную ручку, вниз потянул — щелкнул замок, она открылась. Хрипя, не веря счастью, он выбрался наружу. Скатился по ступеням. На землю рухнул, жадно ртом заглатывая воздух. Сердце колотилось так, что, казалось, оно вот-вот взорвется.

Но, хоть он и выбрался наружу, дикий страх в груди и не подумал исчезать. Из дьявольского дома доносились вопли, шум, трещала крыша. Егор не помнил, есть ли там люди, он вообще почти не соображал, зато он точно знал, что в доме обитает Сатана, который скоро вырвется наружу. И тогда наступит... Егор не знал, что именно случится, но знал, что это допустить нельзя. Все еще мутным взглядом он посмотрел вокруг. Увидел домик. Баню. «Баня-печка-дрова-огонь» — составила в уме простейшая цепочка, на большее пока Егора не хватало — и мужчина пополз вперед, руками землю загребая, раздавливая грудью кабачки. Дополз. С опаской заглянул вовнутрь.

Дрова. И жидкость для розжига. Много пустых пачек из-под сигарет. И спички. В коробках.

Мужчина сгреб дрова в охапку, в карманы спичек натолкал, канистру тоже прихватил и пошел обратно. Его шатало. Один раз он все-таки упал, рассыпал ношу, кое-как собрал, дошел до дома. Вполголоса прочел молитву, крышку канистры отвинтил. Облил крыльцо,

гнилой фундамент, стены, ставни и рамы у окон. Дрова расставил вокруг дома.

Согнулся — вырвало опять.

«Дрова, дрова, дрова» — заело в уме слово. Чтобы огонь сожрал все до остатка, дров надо много. Егор разломал забор, благо что гнилые доски отваливались сами. Нашел сухие ветки. Расставил вокруг стен. Облил остатками жидкости из канистры. Достал спичку из кармана. Чиркнул.

Безумным взглядом посмотрел на притихший дом.

— Изыди, демон! — и бросил огонек вперед.

Пламя стремительно крыльцо обьяло. И быстро расползлось вдоль стен. Дрова задорно затрещали, тонкие ветки заалели в темноте, жаром ударило в лицо, пространство ярко осветилось, и едкий дым застлал глаза. Егор разинул рот и с упоением в душе смотрел, как монстр дохнет, стремительно и стопроцентно.

— Ироды! Как же они заколебали! — раздался гневный женский визг.

— Чего там, Маш?! — вторил визгу грубый бас.

— Ты че, слепой?! Звони в пожарку! — донесся грузный топот в стороне.

Егор очнулся, дрогнул. Массивная женщина во тьме, с колыхающими телесами, с торчащими сухими волосами на круглой свинячьей голове, бегущая навстречу, словно слон, в светлом развевающемся халате — ну призрак, не иначе — перепугала его вусмерть. Он развернулся и помчался в лес, где скоро скрылся в чаще, боясь, что очередной посланник тьмы вот-вот его настигнет, заставит понести за все ответ, а после в преисподнюю отправит.

Лина все вспоминала, как в тумане. Помнила, что воцарился суший ад, и пламя быстро разгорелось. Как стойко дом терпел, но вот осыпались осколки; потом и мебель рухнула на пол. Она помнила, как стены жалобно завывли; как все дрожало и тряслось. Помнила, как глотку раздирало диким кашлем. Как время медленно текло. Как дотащила Киру до окна, как перебросила его наружу и как отполз он от огня, и как она сама вдруг села на пол и щупала его перед собой, среди дыма и огня, и все кричала: «Солнце! Солнце!»; глаза саднило, все плыло, щелчками воздух бил по горлу. Кирилл снаружи подзывал и кислорода не хватало. Пока вдруг не услышала испуганное «У-и!» и не наткнулась пальцами на крохотную тушку. Как с ней в руках бросилась к окну и выпала наружу, скуля от боли от ожогов.

Помнила вопли соседа и соседки, как Кира стонал и корчился в траве — она сидела рядом с ним и за руку его держала. Потом вокруг все замигало и вой сирены оглушил. Врачи, пожарные, мужчины в форме, все суется, говорят, а ей так плохо, так хочется домой, в кровать, закрыть глаза и чтобы все исчезло, и чтобы стало хорошо, комфортно, сухо и уютно!..

Дом начали тушить, но он успел сгореть почти дотла. Какое было пламя! Огромным пиком поднималось выше крон и освещало все вокруг, нещадно обжигая жаром. Но вот остатки дома погасили: они осыпались в золу. Врачи Кирилла окружили и немедленно увезли. Лину немного допросили, она могла хотя бы связно говорить — а после и ее отправили в больницу. В машине у нее пытались забрать свинку, девушка заплакала и не дала. Она вверила ее подруге, примчавшейся с утра.

Показания Кирилла следователи в расчет не взяли. От большой потери крови и многочисленных открытых ран парня только на седьмой день перевели из реанимации в

палату общей терапии, и, судя по всему, у него случился тяжелый посттравматический синдром: во время дачи показаний он нес полнейший бред. Про дьяволов, про то, что мебель якобы сама летала, и что осколки сами нападали, и что вообще все произошло само.

Зато девушка внятно поведала, как именно все было:

Они сидели с Кириллом, ее любовником, на кухне, и мирно пили чай. Как вдруг ворвался в дом немолодой мужчина. По виду — с нездоровой головой. И начал все крушить, швырять, бить стекла и с осколками на них бросаться. Они спасались, как могли, но ненормальный тип не унимался, поджег крыльцо, а их, избитых, в доме запер. Когда же они выбрались через окно, его и след простыл. Соседка тоже подтвердила, что видела искомого мужчину, но добавила, что он тут совершенно ни при чем, потому что в доме испокон времен живут одни шалавы, и что там проклятое все.

Следователи малость обалдели, составили фоторобот, разослали по участкам и мужчину объявили в розыск.

В больнице Лина провела неделю. Ждала, когда с квартиры мамы съедут съемщики жилья. В палате одолевали тягостные мысли, и время медленно текло. Зато там, наедине с собой, с нее как будто спала пелена, и глаза на все раскрылись. Она внезапно поняла, что именно творила, и поверить не могла, что сама во все втянулась. Что то, что с ней произошло, в принципе было реально. Как будто раньше в голове стоял затвор, мешающий ей видеть трезво, и, как знать, возможно, он действительно там был. Но как только дом сгорел, помутнение исчезло. Лину трясло от воспоминаний, она ненавидела себя. О боже, ну как она не догадалась раньше?!

Любовь ее и полтергейста... Ха-ха, какая к черту там любовь?! Ведь все же просто и банально: дом использовал ее, наглей всех бывших, вместе взятых. Цинично, как марионетку. Ведь что он без жилья внутри, без связи с внешним миром, без приводимых тел? Он не смог бы сам себя чинить, поддерживать в себе порядок, и просто сгнил бы, развалился. Конечно, при таких-то данных, дом делал все для ублажения жильца, чтоб удержать его внутри. И кто конкретно в нем живет, ему то вряд ли было важно. Бабушка вот тоже это поняла. Потому дом и поджигала, да только не успела довести дело до конца.

Прошла долгая неделя. Ожоги подлечились. Лина перевелась на дневной стационар и покинула больницу.

Дел навалилось — не перечсть. Восстановить все документы (спасибо тем, кто сообразил единое окно!), продать участок злополучный, купить хоть что-то из одежды, забрать свинку у подруги (отныне Солнце звали Боней), научиться жить одной. И не думать о Кирилле, потихоньку забывать — что было для нее сложнее всего.

С того дня недели три уже прошло. И Лина думала о парне постоянно. С утра, как только просыпалась. И вечером, и перед сном, и ночью с ним во сне болтала, и днем, бывало, зависала, ревела иногда, а иногда — грустила. Вся музыка, все виды за окном, и мотоциклы на дороге, прохожие и даже молодой супруг подруги (который оказался не такой уж и козел) — все, вот все ей о Кирилле напоминало, и девушке казалось, что она почти сошла с ума. И Лина находила сотню дел, все чистила, скребла, искала подработку — все, что угодно, лишь бы отвлечься, но толку было ноль.

Она к нему ходила, вообще-то. Узнала кое-как, где он находится, обзвонила все больницы. Смущенно интересовалась, не у них ли находится Кирилл, с ожогами,

множественными порезами стеклом и с раздавленной рукой. Она же ничего о нем не знала. Ни адрес проживания, ни возраст, ни фамилию. Имя вот только. И везде довольно резко отвечали и говорили «нет». Пока не повезло случайно дозвониться до диспетчера, который вызов принимал в ту кошмарнейшую ночь. Он и сказал, что Кира в медсанчасти.

Она купила томатный сок и апельсины. Долго топталась на крыльце. Смотрела на привязанную к перилам лупоглазую собачку, трепала ее по голове и набиралась смелости. Скурила, наверное, половину пачки. А время посещений подходило к концу, и Лина отважилась войти. Узнала номер палаты и поднялась на второй этаж. Прошла по белому коридору до палаты номер семь. Остановилась. И заглянула в маленькую щелку.

Увидела его. Он просто сидел на кровати, весь перевязанный, в гипсе, довольный. Но не один. Наверно, с мамой, с папой, с девчонкой, на него похожей — она сидела рядом и смеялась. И Лина рада была его увидеть, и даже очень, но подойти так и не посмела. Она расплакалась, решила, что не ждет ее никто, и что она банально здесь чужая, поставила пакет у входа и, торопясь, ушла. И не приходила больше.

Зачем?

Ведь у него же все прекрасно. Чудесная семья, не верилось ей даже, что такие существуют, чтобы все вместе на свидание ходили. Счастливая и полная. От которой можно поддержки ждать. Какая редкость!.. Да и она ему зачем? Такая... вот такая? После всего того, что было? Он не умрет без нее, она ему, наверное, и нафиг не нужна — и Лина Киру прекрасно понимала.

И сама Лина тоже, не умрет. Ну, пострадает месяц-два, потом утихнет все, пройдет. Не этого ли она хотела? Пожалуйста, вот, желание сбылось, сиди и наслаждайся.

И Лина сидела. За новеньким столом, листая прайс «Стройпарка». Ремонт затеяла, решила обои поменять. Да и отвлечься ей хотелось, и она ждала подругу, чтобы с ней вместе все стены ободрать. Она вот-вот должна была прийти.

Звонок.

Лина подбежала к двери и наспех распахнула. Вот только увидела не подругу. А руку. В гипсе. И много-много мелких швов. И волка злого на футболке. И...

Из глаз обильно слезы потекли. И спазм дыхание сдавил.

— Держи. Это тебе, — и к Лине протянулась дыня.

Она ее не удержала и уронила на пол.

— Ты... ты подстригся... — только и смогла сказать.

— Волосы немного подпалились. Ничего, они же быстро отрастут.

— Как... ты... меня... нашел... — слова совсем не шли. Их всхлипы полностью давили.

— Следователь дал наводку.

«Как хорошо, что им не стоит доверять!»

— Я видел, как ты приходила. Как раз в окно смотрел, и глядя на тебя, так захотел курить. И кстати та собачка, это был мой Гром. Правда, он милый? Его в больницу не пустили, сказали, что с животными нельзя. А потом я твой пакет нашел у входа, когда сестру с родителями провожал. Ты же мне обещала томатный сок и апельсины, я все запомнил, — затараторил быстро и невозможно улыбнулся. Так, как обычно. И тот самый хитрый прищур болотных глаз... — Он, кстати, очень вкусный был, спасибо. И апельсины тоже. А почему ты так и не вошла? Я думал, ты потом придешь, когда родителей не будет, ждал каждый день, а так и не дождался. Ну и... и вот. Надумал сам прийти. Дурак, да, знаю, только... — голос заметно задрожал. — Эй, Лин, ну что с тобой такое? Скажи хоть что-нибудь. Ну ты хотя бы

рада меня видеть?..

— А ты — меня?..

— Конечно, да. Зачем-то же пришел... — сам кое-как сказал — и быстро в сторону глаза отвел. Зато рукой, той, что не в гипсе, Лину обнял, прижал к себе и влажно задышал в ее взлохмаченный затылок. Она уткнулась носом в его шею, с силой вцепилась в ткань футболки, боясь, что ей все кажется и он сейчас уйдет; потом расклеилась совсем, вся затряслась и, как ребенок, разрыдалась.

Больше книг на сайте - Knigolub.net